АНДРЕЙ ТРОИЦКИЙ

ЗНАК ШПИОНА

ТРУДНО ВЫБИРАТЬ, ЕСЛИ ВЫБОРА НЕТ

Шпион особого назначения

Андрей Троицкий

Знак шпиона

«Андрей Троицкий»

Троицкий А. Б.

Знак шпиона / А. Б. Троицкий — «Андрей Троицкий», — (Шпион особого назначения)

В подмосковном городе ограблен и убит корреспондент областной газеты. Его гибель неожиданно оказалась на руку Службе внешней разведки России. Под именем убитого в Лондон отправляют опытного оперативника майора Колчина. Его задача – разыскать без вести пропавшего офицера русской разведки Дмитрия Ходакова. Опасная работа Колчина оказалась осложнена чередой чудовищных и, казалось бы, необъяснимых кровавых афер. Разведчик понял, что в среде эмигрантов, тесно связанных с британскими спецслужбами, началась настоящая война за миллионы, предназначенные на финансирование деятельности тайной агентуры. Противоборствующие стороны не останавливались ни перед чем, идя к своей цели по трупам...

© Троицкий А. Б.
© Андрей Троицкий

Содержание

Часть первая 5
Глава первая 5
Глава вторая 13
Глава третья 21
Глава четвертая 29
Глава пятая 38
Глава шестая 47
Глава седьмая 56
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Андрей Троицкий
Знак шпиона

Часть первая
Похороны в Москве.

Глава первая

Москва, Кутузовский проспект. 28 сентября.

От Смоленской площади, где жил отец, до дома на Кутузовском проспекте Максим Никольский, не любивший пеших прогулок, особенно в ветреные дождливые дни, добирался не на собственном «Форде», как это случалось прежде, и не на такси. Изменив всем привычкам, он проделал этот путь пешком. Холодный дождь застал Максима на полдороге к дому, на мосту между зданием мэрии и гостиницей «Украина». Взглянул на циферблат наручных часов и подумал, что жить ему осталось час с четвертью или около того.

Остановившись, он расстегнул «молнию» спортивной сумки, висевшей на плече, и только тут вспомнил, что в спешке оставил зонт в прихожей отцовской квартиры. В сумке лежала лишь закрытая на золотой крючок деревянная коробка, обшитая синим бархатом. А в ней именной пистолет ПСМ, который несколько лет назад в честь какого-то большого праздника вручил отцу начальник Генерального штаба вооруженных сил России. Подняв воротник плаща, Максим снял очки, протер прозрачные стекла носовым платком, быстро зашагал дальше. Но тут же подумал, что спешить ему вообще-то некуда, каждый новый шаг приближает его вовсе не к дому, а к гибели, к последнему роковому выстрелу. Он топал по тротуару, не обходя лужи, и размышлял, не заметит ли отец Владимир Родионович пропажу именного пистолета в ближайшие полтора часа. Разумеется, отец человек немолодой, до пенсии остается чуть больше года, но он сохранил здравый памятливый ум и пунктуальность кадрового офицера, отдавшего армии всю жизнь. Помнит место каждой вещи, часто заглядывает в письменный стол, хотя к оружию в последние пару лет, кажется, пальцем не прикасался.

Час назад сын, заболтав отца на кухне, оставил его за пивом и тарелкой вареных креветок, а сам, придумав какой-то предлог, вышел в коридор, в прихожей, схватил сумку, на ходу выложил из неё зонт, прошел коридором к спальне, свернул в отцовский кабинет и закрыл за собой дверь. Едва Максим переступил порог, большие напольные часы, стоявшие в углу кабинета, ударили три раза. Максим вздрогнул от неожиданности. Сделал несколько шагов к двухтумбовому письменному столу на резных ножках со столешницей. Рассохшийся паркет громко заскрипел под ногами.

Добрался до стола, сел в кресло, выдвинул левый нижний ящик. Пистолет все на том же старом месте. Если отец сейчас же войдет в кабинет, спросит, в честь какого праздника сын без спросу копается в его столе, придется что-то проблеять в ответ. Максим соврет, что искал папку с вырезками из «Красной звезды», ему для дела нужны кое-какие материалы. Газетные подшивки, разумеется, можно найти и на работе, но глотать пыль в библиотеке Министерства иностранных дел просто нет времени. Ложь не слишком убедительная, но на худой конец это сойдет.

Убедившись, что пистолет на месте, Максим сунул коробку в сумку, туда же бросил упаковку патронов. Уже выходя из кабинета, он подумал, что следовало взять лишь ПСМ. Если отец откроет нижний ящик стола, увидит коробку на привычном месте, рубль за сто, не станет

её открывать. А вот если коробки там не окажется, батя поднимет такой шум, что чертям тошно станет. То была трезвая, но запоздалая мысль, возвращаться Максим не рискнул. Выполнив задуманное, вернулся на кухню, выпил стакан пива и внутренне успокоился. Теперь давать задний ход поздно. Поговорив с отцом о футболе и всякой прочей ерунде, поднялся и, сославшись на дела, заспешил в прихожую. «Какие ещё дела? Ты же в отпуске», – отец, не выпуская изо рта сигарету, пошел следом, остановился, привалившись плечом к стене, наблюдая за тем, как сын надевает плащ. Владимиру Родионовичу одиноко в неуютной большой квартире, запущенной, давно не знавшей ремонта, обставленной немногим лучше, чем офицерская казарма, старой дешевой мебелью.

«В отпуске дел особенно много. Ты же сам это знаешь – отпуск самое напряженное время», – Максим внимательно посмотрел на Владимира Родионовича, сильно постаревшего за последний год, худого и сутулого. И подумал, что у бати за всю прожитую жизнь, может, и двух-трех отпускных месяцев не наберется. «Тогда пока», – отец протянул руку. Максим тряхнул теплую ладонь и быстро вышел на лестничную площадку. Он боялся, что вдруг, не сдержав себя, расплачется. Повернув замок, Владимир Родионович отправился на кухню допивать пиво и дочитывать газетную статью какого-то знаменитого пенсионера под заголовком «Как я убежал от инфаркта».

Когда до дома оставалось всего ничего, полквартала, Никольский обнаружил, что серый плащ, надетый поверх темно серого в темную полосочку костюма, промок насквозь. Капли влаги стекали за воротник, капали с подбородка. В лужах плавали пузыри и радужные бензиновые разводы. Свернув в арку, Максим вошел во двор дома, дошагал до подъезда, открыл дверь.

– Здравствуйте, Максим Владимирович.

Привстав со стула, Никольского поприветствовал молодой охранник Саша, заступивший на смену полтора часа назад. Он нес вахту в застекленной будке возле лестницы. Перед дежурством охранник не купил свежую газету и теперь, скучая, вертел в руках краткий медицинский справочник, который нашел в тумбочке. Неизвестно зачем пытался выучить наизусть латинское название русского слова «задница».

– Мускулюс гладиус максимус, – шептал Саша себе под нос.

Максим, поглощенный мыслями, не услышал приветствия, забыл поздороваться, перемахнув несколько ступеней, оказался у лифтов. Охранник проводил Никольского долгим взглядом. Саша подумал, что жилец из сороковой квартиры явно не в себе, то ли пьяный, то ли что…

– Мускулюс гладиус максимус, – повторил Саша. – Одни задницы тут живут.

Поднявшись на этаж, Максим вошел в квартиру, закрыл дверь, сбросил с себя плащ и пиджак, остановившись у двери в гостиную, поморщился. Жена Ирина, уехавшая на встречу с подругой в первой половине дня, обещала вернуться часам к десяти вечера, не раньше. Но сейчас из-за приоткрытой двери в комнату был слышен её голос. Видимо, с кем-то разговаривала по телефону. Черт, как это некстати. Никольский многое бы отдал, чтобы следующий час остаться наедине с собой. Сбросив ботинки, распахнул дверь в гостиную, изобразив на лице улыбку, похожую на гримасу боли, помахал растопыренной пятерней.

Жена, одетая в короткий шелковый халат, расписанный птичками, сидела в кресле, положив босые ноги на журнальный столик. На диване валялась соболья шубка с ещё не оторванными этикетками и ярлыками, только из магазина. Никольский уставился на шубку и едва не заскрипел зубами от злости. Ирина, перехватившая этот взгляд, вежливо оборвала телефонный разговор, подскочила с кресла и чмокнула в губы Максима, готового разразиться матерной тирадой.

– Какого хрена ты делаешь? – грубо начал он, но оборвал себя.

Да черт с ней с шубой. Пропади все пропадом. Не хочется чтобы, возможно, последний в жизни разговор с женой заканчивать непристойным базаром.

– Во-первых, ты обещал мне эту вещь, – Ирина загнула указательный палец. – Во-вторых, мы встретились с Татьяной, заехали в один потрясающий бутик, и я не удержалась…

– Во-вторых, в-третьих, и в-десятых ты, делая дорогие покупки, должна помнить, что замужем не за арабским шейхом. Всего-навсего за дипломатом. Государственным служащим. Если тебя однажды спросят, откуда дровишки? Откуда, блин, бабки на эти шубы и полушубки? Что скажешь?

– Тебя об этом спрошу. Откуда, Максим дровишки? Ведь ты всего-навсего дипломат.

– Ладно, проехали, – вздохнул Никольский. – А Светка где?

– У мамы оставила, завтра заберу.

Максим кивнул, решив, что это главное: ребенка дома нет. А Ирина не помешает. Одно мгновение. И все кончится. Еще вчера он всерьез подумывал о петле на шее, которая, перетянув артерии и дыхалку, оборвет его жизнь за минуту. Но представил, как его, обмочившегося, жалкого с перекошенным зеленым лицом, снимают как тряпичную куклу, с водопроводной трубы в ванной комнате… И сделалось не по себе. Пуля – вот это вариант. Мужское решение проблем. Вспомнился отцовский наградной ПСМ… И дальнейший план действий сложился в голове легко.

Заглянув на кухню, Максим отметил про себя, что домработница ушла. Он выбрал небольшую кастрюлю из нержавейки, быстрым шагом через коридор дошагал до своего рабочего кабинета, шмыгнул за дверь и повернул ключ в замке. Задернув шторы и включив верхний свет, сел в кресло, нагнулся, оторвал от стены кусок плинтуса. В этом тайнике помещались скатанные в тонкие трубочки проявленные фотопленки и несколько исписанных листков бумаги, тоже скатанных трубочками. Поставив обрезок плинтуса на прежнее место и включив кондиционер на полную катушку, некурящий Никольский долго копался в столе в поисках коробки спичек. Наконец поставив перед собой кастрюлю, зажег спичку и одна за другой сжег пленки и бумагу. Подошел к окну, открыв раму, вывалил горячий пепел вниз, поставил кастрюлю на пол.

Просидев четверть часа за столом, Максим понял, что составлять предсмертные записки он не умеет. И вправду, откуда набраться опыта, если такую чертовню он пишет первый и единственный раз в жизни. «Я решился на этот шаг, потому что несколько раз посещал врача, который пользуется моим доверием. Диагноз сомнений не вызывает, а врач, человек честный и прямой, не дал мне ни одного шанса. Я неизлечимо болен. Все, что маячит впереди, – долгая мучительная агония. Но я всего этого не желаю: бесполезных операций, химиотерапии, облучения. Не хочу обрекать на бесполезные затяжные муки свою семью и себя самого. Я боюсь физической боли, страданий, поэтому лучше все решить сразу, в одно мгновение поставить точку. Хочу надеяться, что близкие поймут и простят меня, умершего смертью безбожника. Но иначе я не могу».

Максим остановился, отложил в сторону ручку. Даже в эти последние минуты жизни он не может позволить себе такую роскошь как искренность и честность. Он должен врать, изворачиваться до последнего. По факту самоубийства прокуратура возбудит дело. Какое-то время будут по всей Москве и ближнему Подмосковью искать мифического доктора, имеющего частную практику и поставившего Максиму смертельный диагноз. Врач ошибся, безусловно, он ошибся, ведь эксперты, которые будут проводить вскрытие тела, опровергнут все утверждения покойного, высказанные в предсмертной записке. Однако самоубийство Никольского укладывается в логические рамки.

Да и выводы экспертов не будут иметь большого значения. Следователи ФСБ, а дело о гибели дипломата будет вести ФСБ, неизбежно придут к заключению, что пациент, по натуре болезненно мнительный ипохондрик, настолько испугался смертельного приговора врача, что сам решил ускорить кончину, избавив себя от долгой агонии. Поиски медика закончатся без-

результатно. Однако у прокуратуры и ФСБ вряд ли появится и тень сомнения в искренности предсмертной записки.

Максим расписался в правом углу листа, проставил число. Сунул бумагу под стекло, покрывающее столешницу. Иначе записку забрызгает кровью.

Когда на столе зазвенел телефон, Максим, стараясь опередить жену, сорвал трубку. Лишь бы не отец.

– Слушаю.

– Привет, это я.

Хрипловатый мужской голос принадлежал человеку, которого Максим знал под именем Юрия Дьякова, впрочем у этого типа наберется два десятка разных имен и фамилий. Неприятный тип. Среднего роста, плотной комплекции, носит мешковатые костюмы, ездит на «БМВ» и имеет физиономию и замашки беспредельщика. Грубая физиономия, приплюснутый нос боксера, лобные залысины, бескровные губы. Над правой бровью приметный красноватый шрам, напоминающий птицу, расправившую в полете крылья. И ещё толстая шея колхозного бугая.

– У тебя все готово?

Дьяков должен был позвонить позже, в восемь вечера, так было оговорено заранее. Максим помедлил с ответом, покосился на пустую кастрюлю, в которой только что сгорели фотопленки и бумаги, усмехнулся.

– Не совсем.

– Это не тот ответ, которого я ждал. То есть ещё жду.

– Вы позвонили раньше…

– И все равно, это не тот ответ.

– Все готово, – вздохнув, Максим успокоил себя мыслью, что Дьякова, наводящего на него безотчетный животный ужас, больше никогда не увидит.

Почему бы не подразнить напоследок эту тварь?

– Гонорар обычный? – нагло спросил Максим.

– Обычный. Встречаемся на прежнем месте.

Сквозь треск помех прорезался уличный гул. Видимо, Дьяков, который в целях собственной безопасности редко пользовался мобильным телефоном, сейчас звонил из таксофона.

– Я спросил насчет гонорара, – повторил Максим. – Дело было трудным, слишком трудным. Надо бы добавить.

– Прокурор добавит, а ты, придурок, ещё поторгуйся.

– Послушайте, но я…

– Брось свои понты и не порти воздух, – запикали гудки отбоя.

Положив трубку, Максим сжал виски ладонями. Интересно, что скажет отец, если вдруг ему откроется страшная правда о сыне? Тут и думать нечего. Скажет: «Хорошо, что мать не дожила до этого дня. Жаль, что дожил я». Но правду отец не узнает никогда. Правду никто не узнает.

Никольский долго смотрел на фотографию в золоченой рамочке, стоявшую на столе. Снимок сделан пять месяцев назад, перед завершением трехгодичной командировки в Лондон. В солнечный весенний день, когда все вещи уже были собраны, уложены в контейнеры и отправлены малой скоростью в Москву, а до отъезда оставалась пара дней, они втроем все вместе спустились к подъезду посольского дома на Эрлс Корд Роуд.

Максим сделал несколько снимков жены и ребенка на фоне здания, населенного русскими дипломатами. В этой мрачноватой пятиэтажке семья Никольских занимала небольшую трехкомнатную квартирку с обшарпанной казенной мебелью, низкими потолками, крошечной кухней и совмещенным санузлом, единственным местом, где зимой было тепло. Странно, но эта квартирка, годы проведенные в ней, не оставили в душе Максима теплых воспоминаний.

Он трижды щелкнул затвором фотоаппарата, затем они отправились пешком в Кенсингтонский парк. В тот день он отснял три пленки, одна карточка лучше другой. Самый удачный снимок, где дочка, шестилетняя Светлана, одетая в голубую куртку и красный шарф, кормила голубей, он поместил в рамочку под стекло и поставил на письменный стол.

Выдвинув ящик, Максим убрал в него фотографию дочери, бумаги. Наклонившись, вытащил из сумки коробку с пистолетом и упаковку патронов калибра пять сорок пять. Непослушными деревянными пальцами разорвал обертку. На пол упали, покатились по паркету несколько остроконечных патронов. Чертыхнувшись, Никольский замер в кресле. Жена, привлеченная странными звуками, могла попытаться войти в запертый кабинет. Меньше всего сейчас хотелось вступать в объяснения с Ириной. Но, кажется, она ничего не услышала.

Максим не стал собирать с пола патроны. Встав из-за стола, подошел к открытым стеллажам, где на одной из полок стоял музыкальный центр, вставил в деку первую попавшуюся под руку кассету, нажал кнопку «пуск». Из расставленных по углам кабинета высоких колонок, отделанных вишневым деревом, донеслась латиноамериканская мелодия. Теперь Ирина, если вдруг вздумает встать под дверью и прислушаться к возне в кабинете мужа, не услышит ничего кроме бренчания гитар и постукивания барабанов. Сделав пару кругов, он снова упал в кресло. Вынул из коробки остроносый пистолет, повертев его в руке, вытащил из рукоятки пустую обойму, снаряди её единственным патроном. Чуть не обломав ноготь, выключил слишком тугой предохранитель, блокирующий одновременно спусковую скобу и курок. Потянул затвор до упора, дослав патрон в патронник.

В эту секунду Никольский, безотчетно затягивая расставание с жизнью, подумал, что его рубашка несвежая, надо бы надеть чистую.

Остановившись перед бельевым шкафом, дернул раздвижную дверцу, нажал кнопку включателя. В шкафу загорелись бледно-желтые гелиевые лампы. Сдвинув в сторону вешалки с костюмами и сорочками, стал разглядывать в большом, в человеческий рост, зеркале, вмонтированном в заднюю стенку шкафа, свое отражение.

Максиму всегда нравилась собственная физиономия, это открытое доброе лицо, которое не портила склонность к полноте. Но сейчас он с раздражением подумал, что в его внешности есть что-то порочное: подбородок безвольный, узкий и острый, глаза водянистого неопределенного цвета. Никогда не поймешь, что на уме у человека с такими глазами. От страха и напряжения зрачки сузились до размера булавочной головки, радужка блестит, как у наркомана, только что засадившего лошадиную дозу. Веко правого глаза подергивается, будто Никольский, словно окончательно спятивший психопат, озорно подмигивает самому себе. Коротко стриженные темные волосы, не просохшие после дождя, слиплись неряшливыми сосульками. Кожа серая, от южного густого загара, который золотил лицо ещё утром, сейчас не осталось и следа.

Он расстегнул верхние пуговицы, стянул через голову клетчатую сорочку, выбрал белую накрахмаленную рубашку, надел её, причесался. Выключив свет в шкафу, сдвинул на место раздвижную дверцу.

Сев в кресло, отключил телефон. Снял очки. Когда стреляешь в упор, и без очков не промахнешься. Взял пистолет с плоским затвором и рукояткой, поставил курок в положение боевого взвода. Широко раскрыв рот, приставил дуло к небу, почувствовав острый неприятный запах пороха.

Вот и все.

Максим подумал, что дверь в кабинет осталась запертой. Надо бы встать и повернуть ключ в замке. Но не двинулся с места. Испугался, что в последнее мгновение проявит малодушие. Струсив, переменит выстраданное бессонными ночами решение. Ничего, менты, которых вызовет жена, испуганная пистолетным выстрелом, выломают дверь. Пару ударов сапогом – всех дел.

Это была последняя мысль, которую успел додумать Никольский. Большим пальцем правой руки он нажал на спусковой крючок. Пуля пробила небо, сломала затылочную кость и застряла в раме картины, висящей над столом. На светлые обои и занавески брызнул фонтан крови. Никольский медленно сполз под стол.

Москва, Хованское кладбище. 1 октября.

Майор внешней разведки Валерий Колчин и подполковник Сергей Беляев, накрывшись от дождя черными зонтами, пристроились в хвост похоронной процессии и шагали по дороге в глубину кладбища. Накрапывал дождь, ветер гнул чахлые деревца по обочинам, на асфальте, отражавшим серое небо, краснели кленовые листья, похожие на отпечатки лап огромной рыжей лисицы.

Инкрустированный медными полосками гроб с телом Максима Никольского не поставили на каталку, как это обычно делают на Хованке, где дорога от ворот до свежих могил не близка, его тащили на плечах шестеро мужчин, сотрудники Министерства иностранных дел, которое отрядило на похороны представительную делегацию. Еще четверо мидовцев несли венки с черными и красными лентами. За гробом следовал отец покойного генерал Владимир Родионович Никольский в военной форме. Он не проронил ни единой слезинки возле здания судебного морга и по дороге на кладбище. Расправив плечи, он пытался шагать твердо и держал спину прямой, будто проглотил железный прут.

На его локте повисла вдова Ирина Константиновна, в длинном кожаном плаще и черных очках скрывавших кроличьи глаза, она выглядела больной и жалкой. Переборщив с успокоительным, впала в полуобморочное состояние, шаталась от дуновения ветра и непременно упала бы на дорогу, не ухватись она за твердое предплечье генерала. Далее следовали родственники, знакомые и одноклассники Максима, как подсчитал Колчин, всего шестьдесят три человека включая бывших сослуживцев. Никольский старший настоял на том, чтобы похороны прошли скромно и незаметно, без гражданской панихиды в клубе МИДа, без духового оркестра. Генерал не пустил в ход свои обширные связи, чтобы похоронить сына не на Хованке, а на престижном кладбище.

– Зря время тратим, – Колчин поежился. – Не стоило приезжать.

– Возможно, – согласился Беляев. – Но, между прочим, я ради тебя тут, стараюсь, мокну. Это ведь ты, а не я, через неделю вылетаешь в командировку в Лондон. Да, смерть этого парня не имеет прямого отношения к твоему заданию в Англии. И все же…

– Я вылетаю в Лондон через пять дней, – поправил Колчин.

– Тем более. Это тебе не вредно увидеть своими глазами похороны дипломата, без пяти минут нашего сотрудника. От МИДа здесь присутствуют люди, которые работали с Никольским в Лондоне и ещё будут там работать. Нужно присмотреться к ним поближе.

– Еще присмотрюсь, будет время.

Оперативники ФСБ, двое суток занимавшиеся делом о гибели Никольского, по запросу руководства Внешней разведки подготовили справку с предварительными итогами расследования. Колчин прочитал бумаги сегодняшним утром.

Версию умышленного убийства эксперты – криминалисты и судебные медики отмели сходу. Максим Никольский, дипломат, тридцати двух лет от роду, погиб в пять часов с четвертью, застрелившись из украденного у отца наградного пистолета. В это время в квартире находилась лишь жена его Ирина. Дверь в кабинет, где покончил с собой хозяин, оказалась заперта изнутри и была взломана нарядом милиции и сотрудниками ФСБ в присутствии соседей, приглашенных в качестве понятых. О факте самоубийства свидетельствовала записка, убранная под стекло письменного стола, и характер огнестрельного ранения.

За полчаса до случившегося в квартире Никольских раздался телефонный звонок, так утверждает вдова. Максим сам взял трубку, с кем-то коротко переговорил, с кем именно Ирина

не знает, поскольку не имеет привычки подслушивать под дверью. Оперативники ФСБ затребовали распечатку разговоров Никольского на телефонном узле. Выяснилось, что разговор длился чуть более двух минут, собеседник Максима звонил ему из телефона-автомата, что находится возле метро «Рижская».

Поиски упомянутого в записке врача, поставившего Никольскому смертельный диагноз, пока ни к чему не привели, но будут продолжены. В кастрюле, найденной под столом, остались следы сажи и пепла. Экспресс-анализ, проведенный криминалистами ФСБ, показал, что погибший незадолго до гибели сжег проявленные негативы, предположительно выполненные на черно-белой фотопленке фирмы «Агфа», и несколько листков бумаги. Собственно, тут нет ничего удивительного, среди знакомых Максим слыл мастером художественной фотографии. Нередко самоубийцы перед тем, как сделать последний роковой шаг, уничтожают интимные дневники, порнографические фотографии или видеокассеты, чтобы те не попали на глаза близким людям.

Вдова показала, что муж вернулся от своего отца в добром настроении, был спокоен, он заперся в комнате, как часто с ним бывало, чтобы покопаться в бумагах. Минут через тридцать-сорок она услышала выстрел. Отец Максима сказал, что сын в тот день был задумчив и рассеян, не более того. О гибели Максима, пропаже пистолета и патронов Владимир Родионович узнал от следователя ФСБ, приехавшего к нему на квартиру в семь вечера.

Однако охранник, дежуривший в подъезде дома на Кутузовском проспекте, иначе оценивает состояние Никольского. Утверждает, будто Максим, всегда очень внимательный, не ответил на его приветствие и вообще выглядел странно. Возбужденный, сам не свой. В показаниях людей, встречавших покойного перед смертью, есть существенные противоречия. Но и они объяснимы. Люди, решившиеся на самоубийство, страдают стремительными перепадами настроения. От буйной радости до глубокой задумчивости или отчаяния. Если рассуждать логически, концы с концами сходятся.

Но некоторые странности со счета не спишешь…

Процессия приблизилась к могиле, которая уже начала заполняться водой. Мидовцы с видимым облегчением поставили гроб на длинный металлический стол, открыли крышку. Застоявшиеся в ожидании работы могильщики отошли в сторону, ожидая, когда родные простятся с покойником и дадут сигнал начинать работу. Люди обступили гроб, теперь Колчин и Беляев видели лишь плотное кольцо из человеческих спин, но не могли наблюдать, как проходит последний ритуал. Видимо, кто-то из сотрудников министерства захотел взять слово.

– К сожалению, мы все совершаем ошибки, – ровный мужской голос поплыл над толпой. – А людям свойственно ошибаться. Вот и Максим совершил одну из таких ошибок. Роковых ошибок. Я работал вместе с Максимом в Лондоне долгих два с половиной года и могу сказать, что этот человек никогда не ошибался. Но на этот раз ошибся. Беда в том, что эту ошибку нельзя исправить, как нельзя переписать прожитые годы и дни…

Привязавшись к слову «ошибка», выступающий, как ни старался, никак не мог от него отделаться, ввинчивая его в каждое предложение, в каждую реплику. И, кажется, собирался протащить свою «ошибку» через все выступление.

Колчин, оглядевшись по сторонам, увидел ровный пенек тополя, срезанного бензопилой. Закрыв зонт, встал на это естественное возвышение, принялся разглядывать державшего слово мужчину средних лет со скорбным аскетическим лицом и большой лысиной, на которой серебрились дождевые капли. Это был советник посланника в Лондоне Вячеслав Кнышев, который сейчас приехал в Москву по делам.

Выступающий опускал и поднимал к небу глаза, делал долгие выразительные паузы. Видимо, он любил говорить подолгу, не пропуская никаких важных мероприятий, от торжественных банкетов и свадеб до похорон. Как и всякий опытный дипломат, выдавая на-гора сотни слов, умел, по существу, не сказать ничего важного. Кнышев скрестил руки на том месте,

что ниже живота. Крепко сплел пальцы, словно ожидал от кого-то из присутствующих, близко стоявших людей, подлого и коварного удара ногой в пах.

Наговорившись всласть, Кнышев промокнул глаза платком и юркнул в толпу. Его место тут же занял другой оратор, высокий представительный мужчина лет сорока с небольшим. Короткая стрижка темных с проседью волос, правильные черты лица, из-под плаща выглядывает воротник белой сорочки и узел черного галстука. Леонид Медников, кадровый сотрудник внешней разведки, последние годы работающий под дипломатическим прикрытием. Он, как и Никольский жил в Лондоне и неплохо знал покойного.

В отличие от Кнышева Медников не стал заниматься унизительным словоблудием. Он глянул на генерала с седой непокрытой головой, на Ирину, давившуюся мелкими всхлипами, сказал несколько коротких слов и отступил назад. Но место Медникова уже занял пожилой мужчина, которого Колчин видел впервые.

– Мы с Максимом работали в Лондоне, – мужчина остановился и долго кашлял в кулак, будто давал людям возможность переварить и осмыслить это важное сообщение.

Кажется, траурный митинг, против которого возражал генерал Никольский, не заканчивался, а только набирал силу, новые дипломаты ждали своей очереди высказаться. Беляев решил не дожидаться того момента, когда гроб опустят в могилу, а собравшиеся один за другим станут бросать на его крышку комья мокрой глины. Он потянул Колчина за рукав.

– Пойдем, мы все уже увидели.

– Пойдем, – легко согласился Колчин.

Спрыгнув с пня, он раскрыл зонт, следом за подполковником быстро зашагал к выходу. Для человека, имеющего металлический протез вместо коленного сустава, Беляев ходил очень быстро, едва заметная хромота не бросалась в глаза.

Глава вторая

Казенная «Волга», ожидала спутников у ворот кладбища, в салоне было тепло, даже душно. Колчин и Беляев устроились на заднем сиденье, машина тронулась с места.

– Меня на Тверской бульвар, к новому зданию ИТАР-ТАСС, – сказал Колчин водителю.

Беляев опустил стекло и закурил.

– Пока есть время, послушай историю о человеке, которого мы сегодня хоронили.

Беляев начал рассказ. Оказывается, более трех лет назад, когда Максим Никольский с семьей приехал в командировку в Лондон, тамошний резидент разведки, работающий под дипломатической крышей, получил задание из Москвы повнимательнее приглядеться к молодому перспективному дипломату, составить отзыв о нем. Характеристики на Никольского, полученные из МИДа, от сотрудников внешней разведки и его сослуживцев, легли на стол заместителя директора СВР по кадрам.

Никольского характеризовали, как порядочного человека, что в наше время немаловажно. Эрудит, с отличием закончивший МГИМО, он свободно объяснялся на трех европейских языках. До лондонской командировки два года работал секретарем посольства в Венгрии, где высоко зарекомендовал себя. Словом, ценный кадр. В Москве приняли решение прощупать Никольского на предмет его сотрудничества с внешней разведкой, но не торопить события, а дождаться окончания командировки и только тогда приступить к вербовочным мероприятиям.

Подполковник Сергей Беляев, которому поручили эту работу, не стал мудрить и строить хитроумных замыслов вербовки, для начала пригласил дипломата на собеседование в Штаб-квартиру внешней разведки. На собеседованиях, проходивших каждую вторую неделю в течение двух месяцев, Никольский поначалу проявил несговорчивость. Дескать, я готовил себя к карьере дипломата, а не разведчика. Шпионаж не мой стиль, к этому ремеслу не имею наклонности и так далее.

Беляев набрался терпения и объяснял все перспективы, которые откроются перед дипломатом, когда он скажет свое «да». Максиму через год светит новая долгосрочная командировка в Лондон, ему предложат хорошую должность в посольстве, высокий оклад и, кроме того, второй оклад он будет получать, как офицер внешней разведки. А дальше новые поездки по миру, высоты, о которых можно только мечтать… Но есть и другие варианты, менее соблазнительные. Беляев перешел непосредственно к делу. Дал ясно понять Максиму, что его дипломатическая карьера, продвижение вверх по служебной лестнице может вдруг, без всякой видимой причины приостановиться.

Вместо загранкомандировок, высоких окладов и прочих благ жизни, выпадет нудная работа за письменным столом МИДа, например сортировка служебной корреспонденции. Работа, которую выполнит любой полуграмотный клерк. Море скучных бумаг, в котором молодой специалист будет тонуть ежедневно с утра до вечера. Скромная ставка конторского служащего, мидовская столовка вместо дорогого ресторана, друзья неудачники, разочарованные в себе, уставшие ждать от жизни добрых перемен. Выслушав этот прогноз, Максим сделался скучным и попросил время на раздумье.

Во время последнего разговора с Беляевым, состоявшегося всего неделю назад, Никольский дал принципиальное согласие, сохранив за собой дипломатическую должность, по существу стать кадровым сотрудником внешней разведки. «И что мне предстоит в дальнейшем, ну, в ближайшем будущем?» – спросил Максим, когда разговор закруглялся. «Пусть вас не беспокоит формальная сторона дела, – ответил подполковник. – Вы ещё в отпуске, отдыхайте эти последние несколько дней. Вас направят на курсы по спецподготовке. Но сначала, когда выйдете на работу, предстоит несколько собеседований с руководством нашей конторы, медицинская комиссия. Насколько я знаю, со здоровьем у вас порядок. Тут беспокоиться не о чем.

И наконец проверка на полиграфе, то есть на детекторе лжи. Вам зададут сотни три вопросов, вы ответите на них. И все».

Никольский меланхолично кивнул головой, повисла долгая пауза. «Но вы имеете право отказаться от этой процедуры, отказаться от проверки на детекторе лжи», – Беляев заглянул в глаза собеседника. «Имею право? Тогда, пожалуй… Нет, нет. Если надо, значит, надо», – спохватился Максим.

За два дня до окончания отпуска Никольский свел счеты с жизнью.

– Мне кажется, он испугался, – закончил историю Беляев. – Я это кожей тогда почувствовал. Во время нашей последней беседы.

– Чего испугался? – не понял Колчин. – Проверки на полиграфе?

– Точно. Я ведь его, как говориться, на понт брал. Кто такой был этот Никольский? Золотой мальчик с иллюзиями вместо мозгового вещества, с биографией чистой, как постель монахини. Жизненного опыта – кот наплакал. И что, скажи, проверять на полиграфе? Никакой проверки мы не собирались проводить. По крайней мере, в ближайшее время. Я просто хотел увидеть его реакцию на мои слова.

– Предположим, он испугался. Но на моей памяти из-за обычной проверки на вшивость жизнь ещё никто не кончал. Он мог подумать над твоим предложением, а затем твердо и решительно его отклонить. Полиграф тут ни при чем.

– Посмотрим, – пожал плечами Беляев. – Жду в конторе завтра в три часа. – Слушай, я ведь сижу в ТАССе и не в потолок плюю. Учусь журналистскому ремеслу, оформлению заметок и прочей белиберде. У меня ответственная командировка в Лондон. Впервые в жизни я еду на Запад под легальным журналистским прикрытием. А ты дергаешь меня.

– Я бы не дергал. Приказ генерала Антипова.

«Волга» остановилась перед кубическим зданием ТАССа, Колчин вылез из машины, поднялся на высокое крыльцо, прошел через стальные дуги металлоискателя, предъявив двум милиционерам служебное удостоверение корреспондента.

Москва, Тверской бульвар, здание ИТАР-ТАСС.
1 октября.

Московской редакцией ИТАР-ТАСС руководил молодой человек по имени Сергей Радченко. Он был вполне покладистым, даже компанейским малым и не терпел только двух вещей: опозданий на работу подчиненных и скабрезных анекдотов про евреев, рассказанных в его присутствии. Радченко не имел собственного кабинета, а делил с рядовыми корреспондентами общую комнату на седьмом этаже, довольно тесную и длинную, выходящую своим единственным окном на Тверской бульвар.

В августе Колчин, дожидаясь проверки своих бумаг и оформления визы в английском посольстве, проходил стажировку в Главной редакции иностранной информации, что на четвертом этаже. Там работали люди, которые привыкли мало болтать о пустяках, не задавали своему новому сослуживцу лишних вопросов и не предлагали выпить пива после работы, потому что такова была давняя традиция той редакции, её неписаный закон. На седьмой этаж Колчина перевели позднее, чтобы он окончательно вошел в курс дел, научился клепать заметки и освоил специфический в своем примитивизме стиль телеграфного агентства. Работники московской редакции оказались людьми острыми на язык, разговорчивыми, они не стеснялись вопросов о прошлом Колчина, его личной жизни, увлечениях и вкусах.

Но он основательно подковался, чтобы участвовать и не засыпаться в этой викторине.

Глубокое прикрытие, легенду, по которой теперь жил Колчин, разрабатывал подполковник Беляев и сотрудники ФСБ, специалисты по таким вопросам. Легенда выдерживала любую проверку на прочность. За основу взяли биографию некоего Валерия Авдеева, журналиста, тезки и одногодка Колчина, имеющего со своим прототипом некоторое внешнее сходство.

Пятнадцать месяцев назад, позапрошлым летом, труп Авдеева, замаскированный сломанными ветками, обнаружила местная жительница, пенсионерка, в кустах возле железнодорожной платформы «Наро-Фоминск» в Подмосковье. Погода стояла жаркая, тело пролежало в укрытии около трех суток. По мнению экспертов, смерть наступила от жестоких побоев, которым подвергся Авдеев. Ему сломали верхнюю челюсть, нос, несколько ребер. От ударов ногами лопнули селезенка и правая почка. Смертельными оказались несколько ударов в височную область, нанесенные каким-то тяжелым продолговатым предметом, монтировкой или куском арматуры. Поскольку денег, ценных вещей и документов не обнаружили, следователь железнодорожной прокуратуры, пришел к выводу, что убийство совершено из корыстных мотивов.

Нетрезвого человека, как показала экспертиза, преступники просто забили до смерти, а затем спокойно выпотрошили его карманы и даже сняли с ног кожаные сандали. Установить личность погибшего помог клочок бумаги, завалявшийся за подкладкой ветровки. На листке были накарябаны имя и нарофоминский телефон какой-то Елены Петровны Зайцевой, как выяснилось позже, сорокалетней разведенной женщины, с которой Авдеев за полтора месяца до гибели познакомился на Киевском вокзале в Москве. А позднее вступил в интимные отношения, даже обещал жениться. На последней электричке он ехал в Наро-Фоминск к любовнице, чтобы провести в её однокомнатной квартире на окраине города предстоящие выходные.

Видимо, случайные попутчики, с которыми Авдеев очутился в одном вагоне, убили его, когда поезд прибыл на конечную остановку. Затем волокли труп по путям, и, спрятав в овраге, замаскировали ветками. Зайцеву несколько раз тягали на допросы в железнодорожную прокуратуру. Она показала, что Авдеев по профессии журналист, сотрудничал в каких-то областных газетах, а теперь жил на съемной квартире в Москве и пытался устроиться на работу в столице. Ничего путного из этой затеи не получалось, ставки корреспондентов в приличных изданиях заняты, а новые вакансии не светили. Авдеев перебивался случайными заработками и, возможно, смог бы как-то существовать на эти копейки, если бы не его пристрастие к бутылке.

Чтобы сэкономить на квартирной плате, он планировал перебраться к Зайцевой в Наро-Фоминск, уже назначили день переезда. Но не сбылось. Забрать труп из судебного морга, оплатить похороны Елена Петровна отказалась категорически. Мол, чувства чувствами, но сама живу на мизерную зарплату технолога молочного комбината, и хоронить каждого мужика, с которым знакома без году неделю, простите, не в состоянии. Близких родственников у Авдеева не нашлось. Мать, всю жизнь прожившая в Питере, скончавшаяся ещё десять лет назад, одна воспитывала сына, родная тетка умерла вслед за сестрой, пережив её на год.

Неожиданно Авдеевым заинтересовалась ФСБ, затребовав из прокуратуры для дальнейшего производства и расследования уголовное и розыскное дела. За день до того, как Авдеева кремировали и похоронили, в общей могиле вместе с безымянными пропойцами и бродяжками, оперативники с Лубянки провели обыск на съемной хате в Марьино, сообщив хозяевам жилплощади, что квартирант убыл в командировку. Изъяли паспорт, свидетельство о рождении, трудовую книжку, письма, дневник и ещё кое-какие бумаги. В ФСБ решили, что биографией журналиста, его именем можно воспользоваться для собственных оперативных разработок. Позже в ФСБ окончательно убедились, что этого персонажа в России не ждет и не ищет ни одна душа.

Таким образом, о насильственной смерти Авдеева не знал никто, за исключением сожительницы Зайцевой, с которой взяли подписку о неразглашении материалов дела, а также непосредственно убийцы или убийц журналиста. Но преступники, скорее всего, не предполагали, что за человек стал их жертвой. Авдеева могли принять за подгулявшего в Москве лоха, сошедшего с последней электрички.

Одного из убийц оперативники ФСБ нашли через своего осведомителя, работника ломбарда. Там сорокапятилетний Григорий Студенцова, человек без определенного места работы, пытался заложить приметные японские часы на золотом браслете, единственную ценную вещь,

которой владел Авдеев. Студенцова, в прошлом дважды судимого за грабеж и нанесение тяжких телесных повреждений, взяли тем же вечером в забегаловке возле Киевского шоссе, доставили в местное управление внутренних дел. С ним особо не церемонились, поэтому подозреваемый начал давать показания, уже через полчаса после начала беседы и назвал имя подельника. Им оказался Федор Демченко, двадцатилетний несудимый парень, долговязый и худой, как пересохшая вобла. Он подрабатывал грузчиком в магазине бытовой химии, а в свободное время обирал пьяных возле вокзала. Что-то вроде хобби.

Студенцова и Демченко, несмотря на разницу в возрасте, неразлучных корешей, поместили в одиночные камеры для того, чтобы они не могли общаться друг с другом а, главное, с другими задержанными. Допросы вел следователь ФСБ, переодетый в форму майора милиции, с виду ленивый и добродушный увалень, осоловевший от жары и скуки. Выяснилось, что в ту роковую ночь подозреваемые возвращались в Наро-Фоминск в одном вагоне электрички с Авдеевым. Тот, уже махнувший в Москве добрую порцию спиртного, предложил им дернуть по сто, открыл спортивную сумку, где лежали ещё две бутылки водки и сверток с бутербродами. По дороге хвастливый Авдеев выложил собутыльникам всю свою биографию, рассказал несколько похабных историй из жизни. Студенцов и Демченко переглянулись, когда увидели, как хмельной Авдеев переложил из брюк во внутренний карман ветровки кожаный портмоне. В эту секунду они поняли друг друга без слов.

Этот пухлый бумажник, в котором, как позже выяснилось, оказалось совсем немного денег, и решил судьбу Авдеева. Друзья пытались заманить жертву в однокомнатную берлогу Демченко и там спокойно обработать. Но, когда электричка остановилась, и они вышли на воздух, в темноту летней ночи, потерпевший неожиданно отказался продолжать пьянку, дескать, ехал он к невесте, у неё и переночует. Дошагав до конца платформы, Авдеев спрыгнул вниз и дальше двинул по железнодорожным путям, срезая крюк к дому Зайцевой. Новые знакомые увязались за ним.

Первый удар по затылку нанес опытный Студенцов. Он нашел на путях обрезок арматуры, им и ахнул. А дальше сплошной кровавый туман. Когда Авдеева отволокли на насыпь в кусты, вдруг выяснилось, что он ещё дышит… Студенцов тяжело вздохнул и крепче сжал арматурный прут. Все закончилось минут через десять. Демченко, топтавший Авдеева ногами, долго не мог отдышаться и все повторял: «Ну, и живучий, падла». Деньги из бумажника поделили поровну, Студенцов по праву старшего забрал самое ценное – наручные часы с браслетом, а Демченко достались фирменная сумка и кожаные сандали, почти новые. Хотели снять и одежду, но она вся была залита кровью.

Итак, преступление раскрыто. Но если убийцы сядут на скамью подсудимых, а затем отправятся на зону валить лес и кормить комаров, тайну смерти Авдеева не скроешь, не спрячешь. А, значит, воспользоваться именем журналиста в оперативной игре не удастся.

Когда начинался десятый день пребывания убийц в КПЗ, оперативник ФСБ, представившийся бесплатным адвокатом, назначенным прокуратурой, по одному вызвал друзей для беседы в следственный кабинет. «Адвокат» оказался своим в доску парнем, развязным и нагловатым, он объяснил Студенцову и Демченко, что доказательная база хлипкая. Дунь, плюнь – и рассыплется. Все держится на признательных показаниях самих подозреваемых. Убедительных вещественных доказательств преступления или живых свидетелей нет как нет. Часы, которые Студенцов пытался заложить в ломбарде, он мог просто найти на дороге или в вокзальном сортире.

Добыча Демченко, сумка и сандали, проданы на рынке цыганам, а этих ребят ищи-свищи. На суде Студенцов и Демченко, если они не полные дураки, запросто откажутся от показаний, полученных в ходе предварительного следствия, заявив, что к ним были применены меры физического воздействия. Тогда их оправдают подчистую, а милиция и прокурор по надзору утрутся и будут иметь бледный вид.

Адвокат сказал друзьям: «Меня лично не колышет, замочили того парня вы или это сделал кто-то другой. Мне нужно выиграть это дело – в этом весь мой интерес. Но есть вопрос, который для меня очень важен. Кому-то из близких вам людей на воле, друзьям, женщинам, вы рассказывали о том, что произошло той ночью? Отвечайте только правду. Если вздумаете насвистеть, я найду предлог и откажусь от вашего дела. Тогда готовьтесь к долгой посадке. Пишите письма и сушите сухари». Студенцов и Демченко побожились всем святым, могилами матерей и собственным здоровьем, что пока они находились на свободе и ещё не погорели на проклятом ломбарде, держали язык за зубами. «Я верю, – ответил адвокат. – Кстати, сразу после вашего задержания я составил протест на имя районного прокурора по надзору. Не имея доказательств преступления, ментам не позволено держать людей под замком».

Наконец, адвокат сообщил ошеломительно радостную новость: менты готовы пойти на хитрость и отпустить подозреваемых по домам под подписку о невыезде, чтобы проконтролировать их контакты со скупщиками. Убийцы не поверили в свое счастье, но уже на следующее утро они, подписав какие-то бумажки, вдохнули воздух свободы.

Праздник жизни длился недолго. Через три дня после освобождения нетрезвый Демченко, возвращаясь среди ночи от любовницы, каким-то странным образом упал с пешеходного моста, проложенного над железнодорожными путями, угодил прямо под колеса скорого поезда «Одесса – Москва». Студенцов, напуганный странной смертью друга, затаился в притоне на городской окраине. То ли лежбище оказалось ненадежным, то ли Студенцов сделался слишком нервным, возбужденным, готовым кинуться в драку из-за пустяка, из-за нечаянного обидного слова. Через пару дней его труп нашел в районе городской свалки водитель мусоровоза. По версии местных милиционеров, Студенцову перерезали горло его же собутыльники, такие же опустившиеся на дно жизни ханыги, с которыми потерпевший не поделил глоток водки. Убийц найти не удалось.

Колчин (Авдеев) вошел в рабочее помещение в час дня, Радченко поднял голову от бумаг, посмотрел на подчиненного и, постучав ногтем по стеклу наручных часов, сказал:

– Валерий, вы недавно работаете у нас, поэтому, наверное, не успели запомнить: рабочий день начинается в девять утра. Если страдаете расстройством памяти, запишите в блокнот: ровно в девять утра и ни минутой позже вы должны быть здесь.

Два молодых парня корреспондента и девушка, уткнувшиеся в мониторы допотопных компьютеров, оторвались от работы и, не сговариваясь, фыркнули, как бы восторгаясь фонтаном остроумия шефа.

– Я был в кадрах, на собеседовании в старом здании, – не моргнув глазом, соврал Колчин. Он знал, что молодой начальник не станет проверять его слова. – Вы же знаете, что я на днях улетаю…

Радченко не дал закончить фразу.

– Я знаю, что вы уже получили визу, взяли билет на самолет до славного города Лондона. Но пока вы здесь, в Москве, вы мой подчиненный. И потрудитесь, пожалуйста, приходить на службу к сроку. И хотя бы изредка что-то делать. Кстати, где вчерашние заметки о московских строителях и о кондитерской фабрике?

– Сейчас, все доделаю.

– Уж доделайте, не сочтите за труд.

Девушка корреспондент, не сдержавшись, прыснула смешком. Парни переглянулись. Колчин сел на стул у свободного компьютера и стал тыкать пальцами в клавиши. Для начала ввел в соответствующую строку собственный пароль, без которого не войти в базу данных ТАСС, вызвал начатую вчера заметку о ратном труде строителей, достал из кармана тощий блокнотик, исписанный мелким почерком, стал переворачивать страничку за страничкой, хотя помнил все цифры, полученные в Госкомстате, наизусть.

Работа над заметкой отняла минут сорок, Колчин закончил свое произведение на высокой ноте: «В нынешнем году московские строители планируют ввести в строй три с половиной тысячи квадратных метров жилой площади». Перечитав опус, перебросил его на компьютер Радченко и, выждав пять минут, повернулся к начальнику, сказал, что заметка готова.

– Уже читаю, – отозвался тот.

– И как впечатление? – поинтересовался Колчин.

– А вам самому как? – спросил Радченко.

– По-моему ничего, – пожал плечами Колчин, сразу признавать свою неудачу он не хотел. – Неплохо, толково. Главное, есть цифры и факты. Все по делу.

– Заметки в таком кондовом стиле печатали в газете «Пионерская правда» лет двадцать назад. Даже раньше. Слушайте, Валерий, я читал вашу анкету, вы работали в солидных региональных газетах: «Тюменском рабочим», в «Сибири»… Эти издания держат высокую планку, там корреспонденты пишут не хуже, чем в Москве. Даже лучше, потому что на периферии куда меньше блатных мальчиков и девочек, чем здесь.

Особо выделив последнюю фразу, Радченко выразительно посмотрел на парней корреспондентов. Те сделали вид, что не услышали реплики.

– И в журналистике вы далеко не новичок, – продолжил Радченко. – Вас пригласили работать в ИТАР-ТАСС, значит, вы чего-то стоите. Ну, куда же подевались все ваши навыки?

– Понимаете ли, малый жанр, то есть жанр заметки, мне трудно дается, – ответил Колчин. – В газетах я делал крупные, на всю полосу, очерки. На экономические или социальные темы. Я мастер большого жанра. А заметки писал… Ох, даже не помню, когда это было. Вот теперь приходится вспоминать забытое старое.

– Так вспоминайте же скорее.

Радченко вздохнул, отвернулся к компьютеру и принялся переписывать заметку о строителях, зло поглядывая на Колчина. Но тот уже ковырял новую заметку, посвященную юбилею кондитерской фабрики.

Когда Колчин получил новое задание, которое предстояло выполнить в Лондоне, потребовалось журналистское прикрытие и убедительная легенда, по которой он смог бы работать за границей. Внешняя разведка обратилась за помощью к своим коллегам с Лубянки. Кандидатура покойного Авдеева подошла.

Неделю Колчин трудился, как вол, выясняя все контакты покойного. Требовалось узнать биографии его коллег по работе, любовниц, знакомых, лечащих врачей. Записная книжка распухла от имен и фамилий, которые нужно было запомнить наизусть.

Прожив на свете без малого сорок лет, Авдеев не нажил ни детей, ни друзей, ни денег. Беспокойная, авантюрная натура мешала ему подолгу задерживаться на одном месте. После окончания Ленинградского университета, он не стремился найти в родном городе работу по специальности, его влекла романтика дальних дорог. Уехал в Ростов, затем мотался по многим южным городам, подвязался в местных газетах, даже женился, осел в Краснодаре. Но брак распался через три года. Жена Авдеева вскоре после развода нашла себе нового мужа, а старого выбросила из сердца, никогда не интересовалась его судьбой. Авдеев уволился, съехал с квартиры жены и подался на Север.

В Тюмени нашел работу и подружку, которую вскоре променял на другую женщину. Через три года жизни Авдеев снова сорвался с места и уехал в Красноярск, где его бывший однокурсник дорос до редактора отдела экономики краевой газеты и обещал протекцию бывшему однокашнику. Из Красноярска подался в Новокузнецк… Авдеев потерял счет беспорядочным интимным связям, которые не оставили в его жизни заметного следа. В разные годы он трижды обращался к врачам венерологам, вот, собственно, и вся любовь.

Имея массу знакомых, крепко не сдружился ни с одним из них. Он получал приличную зарплату, искал и находил халтуру по журналисткой линии, пробивая в газетах заказные про-

плаченные заинтересованными лицами статьи, но идея накопительства оказалась чужда его натуре. Заработанные деньги оседали в кабаках и бильярдных. К моменту гибели на его сберкнижке лежала сумма, которой едва хватило бы на месяц скромного, даже аскетического существования. Задача Колчина облегчалась тем, что Авдеев за всю жизнь лишь дважды бывал в Москве, его имя не было известно в здешних журналистских кругах.

Документы на имя Авдеева, теперь корреспондента ИТАР-ТАСС, проверили в английском посольстве, не усомнившись в их подлинности, дали визу на въезд в страну.

Колчин закончил заметку о юбилее кондитерской фабрики, перебросил её на компьютер своего теперешнего начальника и отправился на лестницу перекурить. Затем спустился на второй этаж, выпил какой-то бурды под названием кофе и стал ломать зубы о подгоревший железобетонный бисквит, раздумывая, не те ли кондитеры, труд которых он прославлял, выпекли это чудо. Колчин тянул время: последняя заметка получилась, мягко говоря, так себе. Ничего человеческого, что-то похожее на справку. Радченко опять станет иронизировать, высказывая свое «фэ». Сейчас не хотелось попадать ему под горячую руку и смотреть на то, как какие-то сопляки, не проработавшие в ТАССе и года, скалятся над шутками своего босса.

Переждав полчаса, Колчин поднялся наверх. На этот раз в комнате не было никого кроме начальника, корреспонденты разбежались по заданиям. Плотно закрыв за собой дверь, сел к компьютеру, чтобы чем-то себя занять, стал листать блокнот, бросая косые взгляды на Радченко. Начальник с лицом унылым, как кирпичная стена, покручивался в кресле и раздумывал, вернуть ли заметку о кондитерах на доработку, переписать её самому или просто забраковать, как совершенно непригодную.

– Слушайте, Валера, – откинувшись на спинку кресла, Радченко вытянул ноги под столом и скинул ботинки. Приступ возмущения миновал, когда Колчин грыз в буфете бисквит. – Поделитесь со мной своим большим секретом.

– Всегда готов, – ответил Колчин, ещё не зная, о каком секрете речь. – Обожаю делиться секретами.

– Я закончил МГУ, – Радченко ткнул себя в грудь указательным пальцем. – Начал в заводской многотиражке. Затем работал в «Вечерке», позже перешел в центральную газету. Прошел все ступени, и теперь я здесь, заведую этой вот помойкой. Кое-чего тут насмотрелся. Время от времени у нас проходят стажировку те парни, которых направляет для работы за границей Служба внешней разведки. Ну, для того, чтобы они перед командировками за рубеж, где будут изображать из себя тассовских корреспондентов, немного пообтесались и поняли, каков он на вкус, журналистский хлеб.

– Да-да, – Колчин механически кивал головой.

– У этих парней биографии, написанные под копирку, – Радченко продолжал крутиться в кресле. – И на лбу напечатано крупным шрифтом: Служба внешней разведки, шпион. Но вы-то – другого поля ягода. Я читал ваши анкеты. Вы не из их «конторы», потому что люди с такими пестрыми биографиями, как у вас, в разведке не работают. Их туда не принимают. А теперь поделитесь информацией, как вы попали в ТАСС, когда не умеете грамотно написать простую заметку?

Он хотел добавить, что для командировки в Лондон наверняка найдутся другие, куда более достойные кандидаты, чем Колчин. Например, он, Радченко, владеет английским, интересуется политикой, к тому же он прекрасный стилист. И вынужден тратить лучшие годы жизни, переписывая материалы каких-то бездарей, блатных недоумков, папенькиных сынков, недорослей, которых руководство агентством пачками присылает в московскую редакцию. Радченко хотел сказать многое, разом выплеснуть обиды, мол, талантливые люди годами гниют в Москве, а блатные бездари не вылезают из-за границы. Но в последний момент подумал и смолчал.

Колчин загадочно пожал плечами.

– Есть мохнатая лапа? – настаивал Радченко. – Какой-нибудь дядя по материнской линии работает на Старой площади? Угадал?

– Нет, – честно ответил Колчин. – Я всего в жизни добился сам. Без дяди.

– Значит, любовница со связями? Она – главный редактор толстого журнала, а её папа…

– Папа моей любовницы бухгалтер на чулочно-носочной фабрике, а мать домохозяйка.

– Тогда как вы ухитрились…

– Я ведь уже ответил, – нахмурился Колчин. – Всего в жизни добился сам. Своим трудом, мозолями на заднице. Еще вопросы будут?

– Ну вот, обещали раскрыть секрет…

Минуту Радченко сосредоточено грыз кончик шариковой ручки и наливался злобой.

– Кстати, – он поднял вверх указательный палец. – У нас же есть общий знакомый. Сашка Варваркин. Вы должны его хорошо знать, если, если действительно работали в «Уральском рабочем». Такой высокий, плотного сложения, с бородой. Заместитель заведующего отделом социально-бытовых проблем. Мы с ним перезваниваемся, держим контакт. Помните его?

Колчин улыбнулся. На голый крючок без наживки его не поймаешь. Если Радченко допрет, что Колчин из разведки, наверняка станет болтать, чего не следует, делиться с коллегами новыми желчными остротами. Вот, мол, навязали чекиста на мою башку. Сидел бы парень в своей конторе и чистил свой пистолет, так нет, ему заметки приспичило кропать. Творческая натура, ничего не скажешь. И так далее.

– Варваркина? – переспросил Колчин. – Я с ним вместе и месяца не проработал. Его ушли из газеты за это дело.

Колчин щелкнул себя пальцем по горлу и добавил:

– В знак протеста против своего увольнения Варваркин сбрил бороду. И за последнюю неделю похудел на десять килограммов. Теперь он, кажется, работает в Вологде. В областной газете заведут отделом писем.

– Точно, заведует отделом. И бороды больше не носит. У вас просто энциклопедические знания. Феноменальные.

– Память хорошая.

Радченко был раздосадован тем, что откровенного разговора не получилось, загадка так и осталась неразгаданной. А в довершение всего собеседника не удалось уличить во лжи, хотя очень хотелось это сделать. И без того паршивое настроение испортилось окончательно.

– Вашу заметку про кулинаров и кондитеров я бракую, – сказал он. – Никуда не годится. Дерьмо на машинном масле. Как и конфеты, которые делают на этой фабрике.

– Да хрен с ней, с заметкой, – отозвался Колчин. – Бракуйте.

– Учтите, Валерий, – Радченко выдержал выразительную прямо-таки мхатовскую паузу. – Я напишу не самый лучший отзыв о вашей работе. Вы ленивы и апатичны. У вас нет новых идей. Вы не предложили ни одной новой темы…

– Пишите, кройте.

Колчин равнодушно пожал плечами и зевнул во всю пасть, не прикрыв ладонью рот. Приятно сознавать, что от Радченко ничего не зависит, и как бы он не пыжился, как бы не старался, не сможет испортить человеку не то что карьеры, даже настроения.

Глава третья

Москва, Ясенево, штаб-квартира
Службы внешней разведки. 2 октября.

Дела в Лондоне, судя по настроению генерала Юрия Федоровича Антипова, шли неважно. На рабочее совещание, проходившее в узком кругу, помимо Колчина и Беляева пригласили подполковника Леонида Медникова, того самого, который вчера в числе других дипломатов отметился коротким выступлением над свежей могилой на Хованском кладбище. Недавно вернувшийся из Лондона, он владел всей оперативной информацией. В столице Великобритании он курировал операцию, которую теперь предстояло продолжить Колчину.

Вчетвером расселись за столом для посетителей. Хозяин кабинета, одетый, как обычно, в гражданский костюм и серый галстук, украшенный пятнами кетчупа, раскрыл папку с материалами, полученными сегодня по дипломатическим каналам связи. Высморкавшись, Антипов спрятал скомканный платок в кармане и, против обыкновения, начал не с вопросов, а с сообщения.

– Вчера наш легальный резидент в Лондоне Павел Андреевич Овчаров получил второе письмо. От Ходакова.

Все присутствующие, люди, умевшие скрывать чувства и эмоции, переглянулись. Колчин заметил удивление и растерянность в глазах Беляева. Медников расслабил узел галстука, расстегнул верхнюю пуговицу светлой сорочки, будто ему сделалось жарко, а воротник рубашки сильно сдавил шею. Он улыбался кривой улыбкой, словно хотел сказать: я же предупреждал, что этот субъект, на поиски которого мы потратили без малого три месяца, ещё даст о себе знать. Как видите, он жив и невредим, потому что дерьмо не тонет.

Антипов вытянул из папки письмо, к которому конторской скрепкой был пришпилен почтовый конверт, пустил его по кругу. Колчин, очередь которого пришла последней, склонившись над столом, внимательно, слово за словом, прочитал текст, водя по строчкам пальцем.

«Уважаемый Павел Андреевич.

Я знаю, что русская разведка начала охоту за мной с целью моего физического устранения или похищения. Вчера на улице я заметил, двух подозрительных типов, которые долго следовали за мной, пока я, неожиданно меняя маршруты, не сумел оторваться. Я не новичок в нашем деле, ошибиться не мог, это слежка. Поэтому хочу, чтобы это письмо послужило предостережением тем, кто организует охоту за мной. Если меня «случайно» раздавит машина, если я умру насильственной смертью или просто исчезну, вас ждут неприятности. Папку с копиями секретных документов, интересующих англичан и дружественные им разведки, доставят из банковской ячейки по известному вам адресу.

Я не угрожаю, но хочу, чтобы вы правильно поняли мою позицию. Работой в разведке, двойной жизнью, которую был вынужден вести, которая разрушала меня, губила мою человеческую сущность, я давно тяготился. Искал свободы и теперь, после долгих мучительных раздумий, сделал свой окончательный выбор. В Москву больше не вернусь, любые контакты с Россией навсегда обрываю.

Моя судьба, несмотря на благополучие её внешних атрибутов, сложилась непросто. Теплых искренних чувств к супруге Инне, которая сейчас вместе с дочерью Еленой, находится в Москве, я давно не испытываю. Мы разные и, как выяснилось, совершенно чужие друг другу люди. Единственный якорь, который тянул меня на родину – ребенок. Но, когда Инна вырастет, то поймет, что её отец не предатель, чего бы там обо мне не говорили злопыхатели и враги.

Как вы знаете, я должен был передать нашему человеку, работающему здесь под псевдонимом Оскар, некоторую сумму наличными. Эти деньги оставляю себе, поскольку за долгую безупречную службу заслужил премиальные. Добровольно принимаю на себя обязательства не

вступать ни в какие контакты, отказаться от сотрудничества как с английской контрразведкой МИ-5, так и со спецслужбами других государств. Хочу особо подчеркнуть, что утечка через меня любых государственных тайн полностью исключена. Однако, если вы не оставите меня в покое, продолжите свои поиски, буду вынужден нарушить добровольно принятые на себя обязательства. Я не жду от жизни никаких благ, хочу лишь покоя.

Напоследок пару слов об Оскаре. Этот человек, так же, как и я решил прекратить сотрудничество с вашей организацией из принципиальных соображений. Искать его не советую, тем более что по моим данным он покинул страну.

Надеюсь на Ваше понимание. С уважением, Д. Ходаков».

Текст письма напечатан на старинной механической машинке через полтора интервала, шрифтом, который не использовали в делопроизводстве добрых четверть века, две последних фразы приписаны от руки синей шариковой ручкой. Бумага дешевая серая, какую можно купить в канцелярском магазине или на почте в любом конце света. Адрес российского посольства на конверте тоже напечатал на машинке, адреса отправителя, разумеется, нет. Судя по круглой печати, письмо опустили в районе станции метро «Ланкастер Гейт», что неподалеку от посольства. Вот и все, пожалуй, что можно сказать об этом документе. И еще: судя по этому посланию, с английским языком у Ходакова полный порядок, в письме не встретилось ошибок.

Вернув генералу листок бумаги и конверт, Колчин, подперев подбородок ладонью, стал обдумывать историю, которая началась несколько месяцев назад в Лондоне, а теперь получила новое продолжение. Концы с концами не сходились, эпизоды распадались на части, разрозненные фрагменты, не желали складываться в единую цельную картину. В деле Ходакова было слишком много белых пятен и слишком мало логики.

– Задавайте вопросы, если они есть, – разрешил Антипов.

– Ходаков пишет о слежке за ним, – Медников щелкнул кнопкой ручки, но, вспомнив, что записи на закрытых совещаниях делать запрещено, убрал самописку в карман. – Не понимаю, о чем он?

– Глупости. Мы пока не знаем, где в настоящее время искать Ходакова, – буркнул Антипов. – Значит, и слежки за ним не можем установить. Возможно, ему на хвост сели английские контрразведчики.

– Скорее всего, у парня развивается паранойя, – усмехнулся Колчин. – Комплекс гонимой затравленной жертвы. Это случается с предателями. Им везде мерещатся козни врагов.

– Теперь прошу высказываться.

Генерал кивнул Беляеву, ему начинать. Подполковник, вместо предисловия, коротко изложил канву событий последних месяцев. Затем, уже подробно, рассказал о деталях операции, активная фаза которой начнется через пять дней, с прилетом в Лондон Колчина.

Дмитрий Ходаков, майор внешней разведки, четвертый год работал в Лондоне под дипломатическим прикрытием и поддерживал связь с нелегалом Ричардом Феллом, который сотрудничал с русскими около десяти лет, поставляя информацию исключительной важности.

В мае Фелл, вознаграждение которому перечисляли на счет в одном из зарубежных банков, обратился к своему русскому куратору с неожиданной просьбой. Премиальные, а за последний год Феллу накапало сто пятьдесят тысяч английских фунтов, он хотел получить наличными в банкнотах по двадцать и пятьдесят фунтов. На очной встрече с куратором Фелл объяснил свое желание осторожностью разумного, умудренного опытом человека. В апреле он, наконец, осуществил свою давнюю мечту: в рассрочку, внося платежи последние одиннадцать лет помесячно, выкупил небольшой дом в пригороде Лондона. Жилище выглядело весьма скромно, требовало ремонта, кроме того, предстояли и другие траты.

Однако снимать деньги со счета в зарубежном банке было неразумно и рискованно. Английская контрразведка МИ-5, отслеживала движение капиталов государственных чиновников, имеющих доступ к секретным материалам, и Фелл мог запросто попасть в черный

список. Он, много лет назад, ещё на заре сотрудничества с русскими, дал слово, что из соображений безопасности воспользуется счетом в зарубежном банке только, когда уйдет с государственной службы, вылезет из-под колпака МИ-5. Просьбу Фелла обсудили в Москве и решили пойти ему навстречу. Требуемая сумма в банкнотах по двадцать и пятьдесят фунтов была доставлена в Лондон дипломатическим багажом, не подлежащим таможенному досмотру.

Передачу денег по инициативе русской стороны назначили на двадцать восьмое мая. Ходаков, которому приказали вручить деньги Феллу, условился с ним о встрече на выставке цветов, которая обычно проходит в Челси всю последнюю неделю мая. Ежедневно выставку посещают тысячи человек, поэтому риск мгновенного контакта с агентом казался минимальным. Смешавшись с толпой, Ходаков должен сунуть Феллу плоский герметично запечатанный пакет, который легко спрятать под пиджаком, сунуть в карман спортивной сумки или в портфель. Однако Фелл в назначенный день на контакт не пошел. Он проработал на русскую разведку так долго и не допустил провала, возможно, лишь из-за собственной болезненной осторожности, которая сидела иголкой в сердце.

Ходаков, натура лишенная эстетического начала, человек, который настурцию от ландыша отличит с десятой попытки, с полудня до ужина вынужден был нюхать цветочки и постигать бесконечно далекую науку садоводства, выискивая в толпе знакомое лицо Фелла.

Позднее англичанин вышел на связь и рассказал, что, направляясь на выставку цветов, поднялся наверх из подземки, со станции «Слоан Сквеар», пошел к Королевскому Госпиталю, но заметил двух странных типов, по виду конторских служащих, которые неотступно шли следом. Фелл изменил маршрут, сделав остановку, перекусил в каком-то пабе, попетлял по улицам, опять свернул к Королевскому Госпиталю. Но в витринном стекле за своей спиной заметил все тех же парней, которых засек у метро. Совпадения совпадениями, но лучше не искушать судьбу. Поймав такси, Фелл, разочарованный неудачей, отправился на работу в Форин-офис.

Место для следующего контакта он выбрал сам, потратив на его поиски целую неделю или того больше. Десятого июня Ходаков и страхующие его сотрудники разведки пришли в паб «Вагоны и лошади», неприметное заведение, каких сотни в восточной части Лондона. Там есть общий зал, есть кабинки на четыре места, в отдельной комнате установлены игровые автоматы и стол для снукера, гибрида французского бильярда и американского пула, необыкновенно популярного в Англии. Ходаков, потратив первую половину дня на то, чтобы оторваться от английских топтунов, явился в паб, как и было условленно, в восемь тридцать вечера.

В девять с четвертью кто-то позвонил в бар, попросил позвать к телефону мистера Рона Парсела. Этим именем пользовался Ходаков в тех случаях, когда нужно было выдавать себя за американца. Человек из нашего посольства, страховавший Ходакова на улице у двери в бар, видел, как тот подошел к стойке и коротко переговорил по телефону. В помещении находилось всего шесть или семь посетителей, с улицы бар прекрасно просматривался через стекло витрины. Закончив беседу, Ходаков вернулся за свой столик, неторопливо допил пиво и вышел на улицу.

Он велел своему помощнику отправляться на квартиру, в посольский дом. «Все в порядке, – сказал на прощание Ходаков. – Он ждет меня по условленному адресу. В ресторане „Маленькая Роза“, но твердо настаивает на том, чтобы я пришел один, без провожатых». «Это его стиль, – ответил помощник. – Тогда я исчезаю». «Маленькая роза» – небольшая гостиница в другой части Лондона, злачное место, которое пользовалось дурной репутацией. Вечерами там собирался всякий сброд из предместий: гомосеки, наркоманы.

Ходаков, внешне напоминавший сотрудника какой-нибудь юридической фирмы, одетый в серый костюм и темный строгий плащ, помахивая портфельчиком, исчез в ближайшем переулке. Он не вернулся на свою квартиру ни ночью, ни на рассвете. Не вышел на службу в посоль-

ство утром следующего дня, и следующего… В тот же вечер, когда пропал Ходаков, бесследно исчез и Ричард Фелл, он же Оскар.

В следующие дни МИД и российское посольство предприняло меры к розыску без вести пропавшего дипломата. В ответ на запросы русской стороны англичане официально заявили, что место нахождения Дмитрия Ходакова им не известно, но полиция предпримет все меры, чтобы в кратчайшие сроки… Ну, и так далее. Стандартная дипломатическая отписка, вежливая и пустая, на большее надеяться не приходилось.

Сообщить английской стороне истинные обстоятельства исчезновения дипломата по понятным причинам было невозможно, поэтому Скотланд-Ярд, занявшийся этим делом, не имеет никаких зацепок. Что же получается? Арестовать Ходакова, пользовавшегося статусом дипломатического иммунитета, предъявив ему обвинения в шпионаже, да ещё скрыть сам факт ареста, англичане не могут ни при каких обстоятельствах. Подобных диких прецедентов ещё не бывало.

Вывод напрашивается сам собой: Ходаков решил прикарманить казенные деньги и смыться в неизвестном направлении, чтобы пожить в свое удовольствие. Примечательно, что свою семью, жену и ребенка, дипломат отправил в Москву за две недели до своего побега. Значит, это решение было не спонтанным, но выстраданным, хорошо взвешенным. Семья мешала основательно подготовиться, и Ходаков поспешил потратился на авиабилеты и подарки московской родне. Срок его командировки в Лондон заканчивался только в сентябре.

Были выстроены и другие версии, которые казались не менее правдоподобными. Например, такая: Ходаков пошел на сотрудничество с английской контрразведкой. В обмен на домик в живописном месте Великобритании и пожизненную пенсию, слил англичанам все секреты, которыми владел. И в первую очередь, назвал имена разведчиков, действовавших в Лондоне под дипломатической и журналистской крышей, а также указал на Фелла, как на русского шпиона. Подлинных имен или мест работы других разведчиков нелегалов Ходаков просто не знал. Исходя из этого, можно предположить, что Фелл арестован, но англичане до поры до времени по каким-то своим соображениям держат арест шпиона в тайне. А заодно уж скрывают и Ходакова. По его просьбе или по собственной инициативе.

Выбор контрмер у Москвы был невелик: не дожидаясь официальных санкций английского правительства и большого публичного скандала, из Лондона срочно отозвали людей, которых мог засветить или уже засветил предатель.

Первое письмо от Ходакова поступило в посольство спустя десять дней после его исчезновения. Короткое послание напоминало тот текст, что Колчин прочитал только что. Ходаков брал на себя обязательство отказаться от сотрудничества со спецслужбами западных стран, требуя от Москвы ответных дружественных шагов. Никакого преследования, никакой охоты за ним лично, никаких притеснений семьи, оставшейся в Москве. Как говориться, баш на баш. Письмо, судя по шрифту, было отпечатано на той же пишущей машинке, что и сегодняшнее, все на той же дешевой бумаге. Эксперты пришли к выводу, что рукописная подпись подлинная, принадлежит Ходакову. Однако некоторые сомнения в том, что письмо сочинил и отправил он лично, ещё оставались.

В Москве не хотели пассивно ждать дальнейшего развития событий. Лондонские события стали предметом жаркой дискуссии на самом верху. Руководство Службы внешней разведки, тогда же решило подключить к делу кого-то из лучших оперативников, имеющих богатый опыт работы в странах Западной Европы. Антипов рекомендовал кандидатуру Колчина, который, по идее генерала, выбрав убедительную легенду, должен отправиться в Лондон под видом стажера телеграфного агентства ИТАР-ТАСС.

Колчину предстоит действовать совместно с Алексеем Степановичем Донцовым, разведчиком нелегалом, работаработающим в Англии под именем Майкл Ричардсон. Он держит магазин скобяных изделий, женат на англичанке и ведет скромную жизнь не слишком пре-

успевающего бизнесмена. Донцов и Колчин хорошо знают друг друга, принимали участие в одной очень ответственной и рискованной операции в Праге. Притираться друг к другу им не придется.

Цель операции, получившей кодовое название «Обелиск», – на месте проверить все версии, выстроенные в Москве и установить, пошел ли Ходаков на сотрудничество с англичанами. Или он, как вор, прикарманив казенные деньги, пустился в бега. Кроме того, нужно установить, что же случилось с Феллом.

Впрочем, это уже задача максимум.

Беляев говорил без перерыва сорок две минуты. Генерал Антипов за это время выкурил четыре сигареты, выслушал своего помощника молча, не перебивая, и тут же дал слово майору Медникову.

– Только давай по делу, – предупредил генерал. – Без лирики.

Медников сказал, что, находясь в лондонской командировке, по заданию центра негласно курировал контакты Ходакова с Феллом. В служебные обязанности Медникова входили и множество других не менее важных задач. В частности, он анализировал секретную информацию, которую передавали в Москву разведчики, действовавшие под дипломатической и журналисткой крышей.

Выяснилась интересная вещь: в донесениях Ходакова встречалась информация, которую он почерпнул из открытых источников, то есть газет и журналов. Однако автор донесений указывал, что сведения получены им из агентурных источников, заслуживающих доверия. Видимо, втирал начальству очки и набивал себе цену, надеясь, что в центральном аппарате СВР дураки сидят, а бумаг приходит много. Кто станет разбираться с источниками информации? В Москве донесения примут к сведению и забудут об их существовании. Медников дважды беседовал с Ходаковым. А позднее, когда история повторилась, направил в центр рапорт, в котором указал на те неточности и преднамеренные ошибки, что допускает Ходаков в своей работе, указывая липовые источники информации.

– Другими словами, он халтурщик, – сказал Медников. – И в этом нет ничего удивительного, потому что халтурщики попадаются везде и всюду. Разведчики тут, к сожалению, не исключение. Опыт оперативника у Ходакова минимальный. Поэтому, по моему мнению, работу с Фелллом, особо ценным агентом, ему поручать было нельзя. Я не хочу раньше времени утверждать, что Ходаков предатель, нет. Хотя имею для этого основания. Но зато смело утверждаю, что Ходаков в нашем деле человек лишний. Он пена, накипь…

– Я же попросил, без лирики, – напомнил Антипов. – Без эмоций.

Медников остановил свой монолог, откашлялся и заговорил ровным бесстрастным голосом.

В первых числах марта Ходаков сказал ему, что назначил встречу со своим агентом в кинотеатре «Эврримэн» на Холлибаш Вейл. Медников решил проверить своего подчиненного. Он занял позицию на противоположной стороне улицы, пред входом в кинотеатр и наблюдал за высокой блондинкой в оранжевом длинном плаще, дефилирующей возле афиш. Ходаков появился за десять минут до начала сеанса.

В этом кинотеатре показывают в основном старые голливудские ленты, ставшие классикой. В тот день крутили вестерн Ховарда Хоукса «Красная река» с Джоном Уэйном в главной роли. На вкус Медникова, картина, которую почему-то очень нежно любят кинокритики, затянутая, и ко всем своим прелестям ещё и черно-белая. Но Ходакову, кажется, было все равно, что смотреть. Главное с кем… Он подскочил к блондинке, обнял её за талию. Поцелуй был бесконечным.

«Эврримэн» кинотеатр небольшой, в тот дождливый день особого ажиотажа не было, фильм-то на любителя. Выждав минут двадцать, Медников пересек улицу, взял билет, насчитав в темном зале не более двух десятков зрителей. Ходаков с дамой сидели во втором ряду,

её голова лежала на плече любовника. Не дождавшись окончания вестерна, парочка поднялась и вышла из зала. Медников, боясь обнаружить себя, задержался минут на пять. На улице он увидел, как Ходаков и неизвестная женщина уже усаживаются в такси. Пока Медников перебегал на противоположную сторону улицы, возился с дверцей машины, у которой, как назло, забарахлил центральный замок, такси скрылось из виду.

Второй контакт Ходакова с той же женщиной зафиксирован двумя неделями спустя у входа в крытый бассейн «Оазис» на Энделл Стрит. Накануне Медников случайно услышал его телефонный разговор. Русский дипломат с кем-то условился о встрече. Как видно, всякое любовное похождение с женщиной, Ходаков предварял неким культурным или спортивным мероприятием. Походом в кино или бассейн.

Он явился в спортивном костюме с сумкой на плече, поцеловал свою блондиночку, увлек её за собой и раскошелился на двухфунтовые билеты. Из бассейна они вышли через полтора часа, когда над городом уже сгустились вечерние сумерки, а по мокрому асфальту разлился свет фонарей. Проголодавшийся Медников устал ждать, он нервничал и не найдя себе занятия, вертелся на автомобильном сидении, переключая приемник со станции на станцию. Но был сполна вознагражден за свое терпение. В тот раз удалось засечь место, где Ходаков и его подружка уединяются часа на полтора или два. Местом сексуальных утех оказалась гостиница «Серебряная луна», грязная и дешевая, расположенная на дальней окраине Лондона.

Тем же вечером, когда любовники, утолив страсть, исчезли из «Луны», Медников, щедро заплатив пожилому портье за информацию, выяснил, что Ходаков не в первый раз приводит сюда даму. Встречи случаются не так часто: примерно раз в десять дней или того реже. Ходаков выдает себя за американца, он всегда бывает с одной и той же женщиной, видно с первого взгляда, не проституткой, а серьезной дамой, видимо, разочарованной сексуальными возможностями своего супруга, ищущей удовольствий на стороне. Даму портье ни о чем не спрашивал, потому что в «веселых» гостиницах не принято задавать лишние вопросы. Иначе можно остаться без клиентуры. «Красивая женщина. Жаль только, что занимается любовью с паршивым американкой, – добавил портье. – Будто в Лондоне вывелись все приличные мужчины».

Когда на следующий день Медников, как бы невзначай, спросил молодого любовника, чем тот занимался накануне вечером, Ходаков сначала смутился, отвел взгляд в сторону. А потом неожиданно полез в бутылку, заявил, что теперь, когда он задействован в контактах с Феллом, отчитываться в своих действиях обязан только перед резидентом, на этот счет есть директива Москвы. «И все-таки где ты был?» – Медников тоже завелся. Ходаков ответил грубостью.

Донесение Медникова в Москве снова оставили без внимания, все спустили на тормозах. Посчитали, что любовная интрижка с симпатичной женщиной – штука не опасная при том условии, что дамочка время от времени проверяется у венеролога.

Наш легальный резидент Павел Овчаров, которому Медников доложил о результатах своих изысканий, вызывал Ходакова в секретную комнату посольства, где имел с ним беседу на повышенных тонах. Ходаков вышел из секретной комнаты такой красный, будто он получил не устное внушение, а десяток увесистых пощечин, даже уши горели огнем. Глаза слезились, а бескровные губы были сжаты в ниточку. В беседе с резидентом он наотрез отказался назвать имя своей пассии, якобы не хочет компрометировать замужнюю женщину, но дал твердое обещание, что эти встречи не повторятся.

Очень подробное описание англичаночки, составленное Медниковым, подшито в дело Ходакова, там же находится её фоторобот.

– До того, как меня позвали на работу в Службу внешней разведки, я работал простым оперативником в КГБ, позднее ФСБ. Учился в университете имени Андропова, – сказал Медников. – И снова работал в органах на более высокой должности. Поэтому научился разбираться в людях, имею кое-какой опыт и знаю, что стоит человек. За Ходакова я бы рубля в

базарный день не дал. Он профессионально непригоден, попал в разведку только потому, что его покойный отец здесь работал.

– Не суди строго, Ходаков далеко не бездарь, – замялся Антипов, болезненно воспринимавший критику снизу, даже косвенную. – Но, по большому счету, ты прав. Я читал твои донесения о Ходакове. Но ситуация тогда была неподходящая. Нельзя было ни с того, ни с сего выдернуть из Лондона нашего человека. Ему до конца командировки оставалось всего ничего, несколько месяцев. Если он действительно оказался бы предателем, то воспринял отзыв из Лондона, как свое разоблачение, как сигнал к бегству. Он не вернулся бы в Москву. Он отправился бы к своим английским друзьям просить защиты.

Антипов прикурил новую сигарету от догоравшего окурка. Значит, старик разволновался, значит, внутренне признавал правоту Медникова. Еще тогда, в феврале Ходакова следовало выдернуть из Лондона, но задним умом все крепки.

– Он был карьеристом, разведчиком, так сказать, кабинетного типа, и вообще занимал не свое место, – подытожил Медников.

Антипов постучал по столу кончиком ручки, показывая, что теперь будет говорить он. Генерал обращался непосредственно к Колчину.

– Я надеюсь, что нам улыбнется удача, – сказал Антипов. – Кое-какие зацепки у тебя есть. По нашим данным вплоть до сегодняшнего дня Ходаков жив и не покидал Англию. Он ещё там – и это хорошо.

– Неплохо, – кивнул Колчин. – Хоть знаем страну, в которой надо искать и найти человека.

– Шутить будешь с девочками, – Антипов сердито свел брови. – Не со мной.

– Слушаюсь, – улыбнулся Колчин.

– Надеюсь, что Ходаков не пошел на сотрудничество с МИ-5. Ведь до сих пор нет официальной информации о том, что он обращался к английской стороне с просьбой о предоставлении политического убежища. Значит, ещё не все потеряно. Если так, если ты найдешь его, то должен убедить в том, чтобы он не делал глупостей. В конце концов, деньги – это всего лишь деньги. Если Ходаков растратил крупную сумму или её часть, то наверняка просто испугался последствий, запаниковал. Но все можно поправить. Он обязан вернуться в Россию. Должен поверить, что последствия будут минимальными.

– В каком смысле «минимальными»? – не понял Колчин.

– Много не обещай. Иначе он не поверит ни единому твоему слову. Скажи, что карьера в разведке закончена. Погон, должности он лишится. Но Ходаков должен поверить, что проведет остаток лет не в Сибири. Он не будет заготавливать для страны деловую древесину на какой-нибудь богом забытой лесосеке, отрезанной Енисеем от большой земли. Ему оставят квартиру в Москве, устроят на приличную работу, где требуется знание иностранного языка. Например, переводчиком в Академию наук. Семью не тронут.

Беляев и Медников сидели с кислыми физиономиями, своим видом давая понять, что Антипов, крупный авторитет среди разведчиков, сейчас тратит время на пустую риторику. Если уж Колчину суждено использовать свой шанс и встретиться с Ходаковым, что само по себе маловероятно, то не стоит заниматься заведомо безнадежными уговорами, выписывать индульгенции и выдавать векселя, которые нельзя предъявить к оплате. В жизни есть ситуации, когда человеческие слова, самые красивые и самые сильные, не имеют большого значения и весят меньше пистолетного патрона.

Совещание в генеральском кабинете закончилось далеко за полночь. Колчина довезла до дома разъездная служебная «Волга». Он вошел в квартиру, мучимый дремотой и голодом, сбросил костюм, шагнул к кровати. Но голод победил сонливость. Оставшись в одних трусах, Колчин, не зажигая света, подошел к холодильнику, заглянул в его нутро и не нашел ничего кроме куска магазинной пиццы, покрытой слоем резинового засохшего сыра, и полупустого

пакета молока. Колчин проглотил пиццу и вылил в раковину молоко, которое скисло, наверное, неделю назад. Вернулся в спальню, упал поперек кровати и, уже засыпая, вспомнил, что забыл снять носки.

Глава четвертая

Москва, Кузьминки. 3 октября.

Жена Ходакова, женщина лет тридцати с небольшим, миловидная, с короткой стрижкой каштановых волос, сидела на диване напротив Колчина, уже битых четверть часа размазывала по щекам слезы и все никак не могла взять себя в руки. Гость выразительно поглядывал на часы, давая понять, что эмоциональная часть встречи немного затянулась и уже пора бы перейти к делу. Инна Петровна извинялась за свои слезы, всхлипывала и снова принималась плакать.

Большая комната квартиры Ходаковых была чуть не до потолка заставлена объемистыми коробками, в которых, судя по логотипам фирм, выведенных на картоне, была запакована бытовая техника. Колчин, заняв скрипучий стул с прямой жесткой спинкой и плоским сиденьем, старался хорошо устроиться, забрасывая одну ногу на другую, но ничего из этой затеи не получалось. Сиделось, как на раскаленной сковороде. Стул, кажется, только для того и был сработан, чтобы создавать людям неудобства. Колчин терпел, потому что кресел в комнате не было, а садиться на диван рядом с хозяйкой, когда ребенок в школе, они в квартире одни… Нет, Инна, чего доброго неправильно истолкует такую передислокацию.

Он улучил паузу между всхлипами, чтобы задать вопрос.

– Вы все это добро из Лондона привезли? – развел руки по сторонам, стул заскрипел.

– Из Лондона, – Инна хотела снова уткнуться в платок, но на этот раз почему-то сдержалась.

– Я смотрю, тут хорошие вещи, дорогие. Посудомоечная машина, музыкальный центр и ещё много всего.

– У Димы очень приличная зарплата. В смысле, была хорошая. Мы могли себе позволить многое.

– А почему вы не распаковываете коробки?

– Я с дочкой уехала из Лондона раньше мужа. Он сам на этом настоял. А перед отъездом сказал: «Не прикасайся к технике. Когда вернусь, сам все распакую и установлю». Вот я и жду его возвращения, хотя ждать, кажется, не имеет смысла. Да?

Колчин, не собирался вступать в полемику и выдавать прогнозы, только глазами поморгал.

– Не знаю.

– Но у вас же есть какие-то предположения, версии. Есть, наконец, собственное мнение.

Вот как получается, он пришел сюда задать несколько вопросов, а вместо этого сам вынужден отвечать на них.

– Есть-то оно есть… Но мнение пусть остается при мне. Скажу только, что в нашем активе – лишь несколько смутных догадок, показания сослуживцев вашего мужа, его начальства, кое-какие рабочие бумаги. Короче, ничего интересного. Мы думаем, что он попал в какую-то переделку.

– А нельзя конкретнее?

– О Ходакове мне известно не так уж много. Возможно, я знаю меньше, чем вы. Но совместными усилиями… Если вы мне поможете… Я хочу сказать, что без вас мне будет нелегко справиться с этим делом.

– Я готова помочь, только не знаю чем.

– Знаете. Для начала расскажите обо всех странностях, которые вы замечали за мужем во время лондонской командировки.

– Не помню за ним никаких странностей, – глаза Ходаковой быстро высохли и теперь смотрели на гостя насторожено, если не враждебно. – Он все время отдавал работе. У него и выходных-то не было, выдергивают на службу, когда начальству вздумается.

Колчин не связывал больших надежд с Ходаковой, он пришел сюда для очистки совести, не надеясь услышать потрясающие женские откровения. Скорее всего, хозяйка ничего не знает, не догадывается о двойной жизни мужа. Инну уже посещали два сотрудника ФСБ, очень обходительные и, главное, опытные люди, умеющие вести беседу непринужденно и при том вытянуть из своего собеседника все, что только возможно. Допрос провели таким образом, что Ходакова даже не догадалась, что её допрашивали.

Представившись коллегами по работе в МИДе, переживающими за судьбу своего пропавшего коллеги, они, перемежая болтовню с серьезными вопросами, ничего не добились, только потратили впустую уйму времени, да извели на угощение, торт и две бутылки красного вина, казенные деньги. Одно из двух: Ходакова хорошая актриса, которой по силам главные роли в постановках МХАТАа. Или она действительно ничего не знает о человеке, с которым состоит в законном браке одиннадцать лет. А спит в одной кровати уже тринадцать годиков.

В запасе Колчина было слишком мало времени, чтобы ходить вокруг да около. Поэтому сегодня, переступив порог квартиры, в которой домашнего уюта было не больше, чем в вокзальной камере хранения, он выбрал самый простой и короткий путь. Предъявил удостоверение сотрудника ФСБ майора Потехина, и заявил, что лично ему поручено установить истину в этой загадочной истории. Если повезет, вернуть жене мужа, а Службе внешней разведки и МИДу – блестящего работника. Ходакова ответила бессвязным бормотанием, ушла на кухню, чтобы принять успокоительное. Вернувшись, опустилась на диван, поджав под себя ноги. И разрыдалась. Плач закончился, но легче не стало, язык хозяйки так и не развязался.

– Хорошо, – Колчин заскрипел стулом. – Поставим вопрос иначе. Ваш муж вслух высказывал мысли о том, что хорошо бы не возвращаться обратно в Москву, в это болото, в безденежье, в жалкую рутину жизни. Мол, появился вариант остаться в Англии, в европейской цивилизованной стране. Ну, что-то в этом духе он говорил?

– Вы никогда не жили в посольском доме где-нибудь за границей?

– Не приходилось, к сожалению, – честно ответил Колчин.

– Оно и видно. Поэтому и задаете такие наивные вопросы. А мы с Димой побывали в разных странах. Англия – наша третья командировка.

Ходакова зло усмехнулась. Она не знала, кого конкретно винить в навалившейся на неё беде. Поэтому винила сразу всех людей, весь мир, все человечество.

– Везде одно и то же. Наше посольство, дом, где живут русские дипломаты, – это помойка, самая поганая помойка из тех, которые я знаю. Там царит атмосфера тотального стукачества. Подглядывание за соседом в замочную скважину, прослушивание разговоров, сплетни. И занимаются этим не только люди, которые по долгу службы следят за настроениями дипломатов, пишут на пленку их разговоры. Не только, так сказать, штатные осведомители на окладе.

– А кто же? – гость взмахнул ресницами, выражая удивление. Со стилем жизни русских дипломатов за границей он был хорошо знаком. Этот стиль Колчину активно не нравился, но тут уж ничего не переделаешь, сколько не старайся.

– Сосед стучит на соседа, сослуживец на сослуживца. Так повелось ещё с советских времен, и за последние годы ничего не изменилось. Все знают обо всем, никаких семейных или интимных тайн не существует. Если на пятом этаже кто-то чихнул, жильцы первого этажа перешептываются: «Вот, какая-то сволочь заболела. Теперь здоровых людей станет заражать, гад такой».

– Вы утрируете.

– Ни в малейшей степени.

– Какой в этом смысл? В стукачестве, в сплетнях?

– Вы, правда, такой наивный?

– Правда, – кивнул Колчин.

– Каждому нашему дипломату, любому прыщу на ровном месте нужно доказать свою незаменимость, проявить себя не только грамотным специалистом, но и бдительным гражданином. Который не дремлет даже среди ночи, а разоблачает козни и происки реальных врагов и потенциальных предателей. Строчит доносы, если можно так выразиться, сигнализирует наверх. Чтобы зацепиться за место, продлить командировку, остаться в Лондоне ещё хоть на один-два года и набить карманы, люди превращаются в последних сволочей. Ими движет шкурный корыстный интерес.

– Значит, ваш муж никогда…

Инна Петровна не дала гостю закончить мысль.

– Стоило бы Диме даже шепотом, ночью под одеялом, заикнуться о том, что мы можем навсегда остаться в Англии, попросить там убежища… Господи, даже трудно представить, что бы произошло. Для начала нам дали бы на сборы сорок восемь часов, а затем взяли под руки и проводили на самолет, следующий рейсом до Москвы. А уж здесь, в столице, стерли в порошок. Вам ли этого не знать?

Колчин промолчал. Телефон Инны Петровны слушали с того самого дня, когда исчез её муж. Оставалась надежда, что Дмитрий вдруг, поддавшись минутному соблазну, позвонит жене или дочери, в разговоре намекнет на свои планы или на то место, где сейчас находится. Но звонков из Лондона не было. Наружное наблюдение, в котором были задействованы оперативники ФСБ, тоже не дало результатов. Инна почти не вылезала из дома, круг её общения был предельно узок.

Пару раз она встречалась в ресторане «Пекин» с лучшей школьной подругой, одинокой неустроенной женщиной, которая работала маникюршей в салоне красоты и в настоящий момент переживала разрыв с молодым любовником. Разговоры женщин были записаны на пленку, перед визитом к Ходаковой Колчин прослушал три с половиной часа эмоционального, со слезой, художественного трепа, но не извлек и крупицы полезной информации.

– Неужели все так плохо в дипломатической жизни, как вы рассказываете? Почему же тогда желающих сделать карьеру дипломата не становится меньше? Даже наоборот.

– В представлении обывателей дипломат – человек с высоким общественным положением. Кроме того, зарплата, приличные деньги, на которые можно не влачить существование, а нормально жить… У Димы были две высокие зарплаты. Одну начисляют в МИД. Другую – в Службе внешней разведки. Ах, о чем тут говорить… Изнанку этой жизни не узнаешь, пока сама не столкнешься. Вы можете сказать: почему муж не поискал себе иного применения? Почему он варился в этом прокисшем бульоне? Значит, ему нравится такая жизнь? И вот вам ответный вопрос. А что он может делать в жизни? Чему обучен? Ящики пойдет ворочать на товарную станцию? Или на кирпичный завод устроится, где он в первый же день заработает себе пупочную грыжу? Дима потратил многие годы, чтобы добиться того, чего он добился.

Колчин кивнул, соглашаясь: кирпичный завод – не самое подходящее место для дипломата, свободно владеющего тремя языками, по совместительству ещё и разведчика. А пупочная грыжа – не самая приятная болезнь.

– Я не нажила в этом Лондоне ничего кроме седых волос, – продолжала Ходакова, трогая пальцами крашенные локоны. – И теперь все смотрят на меня, как на прокаженную. Приятели, с которыми мы там сдружилась, как в воду канули, не звонили и не показывались. Я сама пыталась дозвониться людям, которых считала близкими по духу… Выяснилось, что друзей у меня нет. Одни враги.

Колчину нечего было ответить, он произнес первую банальность, за которую самому стало стыдно.

– Не сгущайте краски. Не все так плохо, жизнь ещё наладится.

Он покашлял в кулак, словно хотел предупредить хозяйку: следующий вопрос весьма деликатного свойства, такими вещами интересоваться не принято, но Колчин здесь по сугубо казенному делу, ему не до условностей.

– У Дмитрия Ивановича в Лондоне была любовница?

Инна недобро усмехнулась, отвела взгляд в сторону, уставилась в окно.

– Часто супруга, не имея прямых доказательств измены мужа, чувствует: что-то не так… Ну, вы меня понимаете? Это трудно передать словами, – Колчин пощелкал пальцами, словно хотел этим пощелкиванием выразить эмоции обманутой супруги.

– Понимаю-понимаю, – Ходакова скрестила руки на груди. – Вы хотите покопаться в чужом грязном белье. Вы ведь составите письменный отчет для своего начальства о нашей беседе, правда? Только не спорьте. Не унижайте себя враньем. Вы сделаете вывод: Ходаков морально разложившийся тип, даже его законная жена подтверждает, что он вступал в интимные отношения с английскими потаскушками. Ведь так?

– Ерунда все это, – сказал Колчин. – Потаскушки, отчеты для начальства. Скажу как есть: моя задача – не вылить на голову Ходакова ведро с дерьмом. Я должен вытащить его из Англии. По возможности живым. Понимаете?

Инна Петровна прикусила нижнюю губу.

– Так вы едете туда?

– Да. Хотя я не должен был этого говорить.

– Спасибо за правду.

– Понимаю, вам неприятно выслушивать такие вещи, тем более от постороннего человека. И все-таки… Нам известно о любовной связи вашего мужа с англичанкой, личность которой мы не установили. У нас даже нет её фотографии, только словесное описание. Возможно, эту женщину использовали как приманку, чтобы заманить Дмитрия Ивановича в западню.

Хозяйка протестующе взмахнула руками, затем уткнулась в платок. Колчин испугался, что она снова расплачется.

– Этого не может быть.

– Хорошо, тогда я пойду.

Колчин с наслаждением оторвал зад от неудобного стула. Протиснувшись между коробками, вышел в тесную прихожую, повернул замок, уже собирался выйти на лестничную площадку. Но, Инна Петровна неотступно следовавшая за гостем, тронула его за рукав.

– У меня нет доказательств… Но я твердо знаю, чувствую сердцем, что Дима не предатель. У него есть человеческие слабости… Но, поверьте, он… Он хороший человек.

– Верю, – поржал плечами Колчин.

Он не мог скрыть разочарования беседой. Не стоило тратить два с половиной часа времени только на то, чтобы услышать от женщины, что муж, с её точки зрения, хороший человек.

– Подождите. Пожалуйста.

Инна Петровна повернулась, бросилась обратно в комнату, потеряв на бегу носовой платок, сдвинула с места какую-то коробку, зашуршала бумагами, целлофаном. Она вернулась, держа в руке цветную фотокарточку, протянула её Колчину.

– Вот, возьмите.

Со снимка смотрела черноволосая женщина лет тридцати с круглым лицом, карими глазами и темными волосами до плеч. Нос короткий прямой, на щеках ямочки, в ушах серьги с мелкими зеленоватыми камушками, видимо, изумрудами. Снимок сделан на какой-то улице, на заднем плане можно разглядеть кусок вывески магазинчика и такси, черный «остин», припаркованный у тротуара. На обратной стороне карточки рукописная запись на английском языке: «Дима, я буду ждать тебя. Вечно твоя Джейн Уильямс».

– Откуда у вас этот снимок?

– Я нашла его в письменном столе мужа. В тумбе под нижним ящиком он устроил что-то вроде тайника. Иногда оставлял в нем служебные бумаги. А потом появилась эта карточка. В тот день Дима был на работе, я мыла пол. Короче, заглянула в его тайник. Позже увидела, как он искал эту карточку, все вверх дном перевернул. Когда я спросила, не могу ли помочь, он ответил, что все в порядке. Якобы он потерял визитку какого-то чиновника из Уайтхолла, но не беда, если визитка пропала. Телефон этого деятеля есть в записной книжке.

– Значит, муж ничего не знал о вашей находке?

– Я не хотела устраивать сцен ревности. Чтобы вся наша колония в Лондоне на следующий же день муссировала свежую сплетню. Срок командировки заканчивается, мы вернемся в Москву, и Дима забудет свою подружку. Так я рассудила. Я хотела сохранить семью, потому что люблю его. Потому что у нас ребенок.

Колчин опустил карточку во внутренний карман пиджака и поспешил попрощался, потому что не выносил женских слез. А хозяйка, кажется, снова решила расплакаться.

Москва, Тверская улица. 3 октября.

Рабочий день давно закончился. Тучи разогнал южный ветер, и над Москвой распустились фиолетовое небо, раскрашенное ядовитыми красками уличных фонарей. В такое время не принято беспокоить людей, отсидевших положенные часы в присутственном месте. Но сегодня Колчин решил плюнуть на все законы приличия.

Из автомата он позвонил по домашнему телефону Леонида Медникова, сказал, что есть срочное, не терпящее отлагательства дело и надо бы срочно встретиться. Собеседник думал долго, выбирая для встречи подходящее место, дышал в трубку. «У меня дома сейчас, к сожалению, нельзя, – сказал он. – Жена плохо себя чувствует. Ты сейчас где? Давай встретимся на полдороге. Схлестнемся в сквере у кинотеатра „Россия“, возле фонтана. Лады?» Колчин ответил, что будет на месте через сорок минут. Он вышел из телефонной будки, поймал такси и сказал водителю: «Давай прямо к Пушкину».

Последний киносеанс закончился полчаса назад, площадка возле кинотеатра «Россия», днем запруженная людьми, сейчас выглядела пустой и голой. В сером плаще и надвинутой на лоб кепке Медников, ссутулившись, сидел на крайней лавке и смолил сигарету. Его нельзя было не заметить издали, как нельзя не заметить одинокую человеческую фигуру на пустом вокзальном перроне. Усевшись рядышком, Колчин тряхнул протянутую руку Медникова, попросил прощения за то, что выдернул человека из дома. Тот только поморщился, мол, оставь церемонные пустяки. Колчин в двух словах пересказал сегодняшний разговор с Ходаковой и полез в карман за фотографией.

Медников долго вертел в руках снимок женщины по имени Джейн Уильямс. Он, ловя свет ближнего фонаря, то относил карточку на расстояние вытянутой руки, то снова приближал к себе и, щуря глаза, разглядывал физиономию незнакомки. Презрительно фыркнув, прочитал трогательную надпись на обратной стороне карточки. И, наконец, покачав головой, вынес свой приговор.

– Нет, это не та бабец, – Медников вернул фотографию Колчину. – Ничего общего. Ходаков встречался у кинотеатра «Эвримэн» и бассейна «Оазис» совсем с другой женщиной.

– Точно, не ошибаешься?

– Еще бы я ошибался. Я могу срисовать человека за секунду, вспомнить через год и дать подробное описание. А на эту цацу в общей сложности я любовался минут двадцать пять. На снимке эта Уильямс, или как там её зовут на самом деле, изображена по плечи. Но не так уж трудно вычислить все параметры её фигуры. На ней майка в обтяжку. Плечи прямые, полные. На вид лет тридцать, но уже ясно наметился двойной подбородок, лицо округлилось. Значит, склонна к полноте. Возможно, она даже не знает значения слова «талия». Фотография сделана

человеком, который выше Уильямс по крайней мере на полголовы. Вывод – ростом эта дама метр шестьдесят пять.

– И что? – Колчин не понимал, куда клонит Медников.

– А то, что женщины низкого и среднего роста, полноватые, с круглыми физиономиями не во вкусе Ходакова. Заметил, что Инна Петровна ростом сто семьдесят пять сантиметров, худощавая? Грудь второй номер, зато спину можно использовать вместо стиральной доски. И та лондонская девочка из «Оазиса» одной комплекции с Ходаковой. Лицо у подружки вытянутое, как у молодой лисицы, которой прищемили морду. Спортивная, длинноногая. Своего высокого роста не стесняется, держит спину прямой, да ещё носит длинные плащи.

– Возможно, у Ходакова было сразу две любовницы?

– Слушай, он же не сексуальный маньяк, не Казанова и не Калигула из одноименного фильма.

– Тогда откуда у него взялась эта фотография?

– Представления не имею. Но, по большому счету, это не имеет значения. Может статься, Ходаков заклеил эту дамочку на каком-нибудь приеме. Наших посольских часто приглашают на всякие сабантуи в другие посольства, и мы в долгу не оставались. А на приемах тусуется масса народу, совершенно посторонних людей, любителей халявной выпивки и закусона. Халяву везде любят. А в Англии, скажу по секрету, особенно. Посольский прием – лучший способ сэкономить бабки на еде. А сбереженные деньги потратить на какой-нибудь распродаже.

– И что?

– А то, что наш герой любовник не разобрал по пьяной лавочке, что она собой представляет. Заперся с ней в пустом кабинете. И трахнул. То есть наоборот, она его трахнула. Может, эту Уильямс год никто не имел или того дольше, все желающих не находилось. А тут доброволец выискался. На следующее утро Ходаков протрезвел и забыл о ней думать. А дамочка – особа влюбчивая, приняла минутное приключение за большое и сильное чувство. С кем не бывает? Стала его доставать, даже карточку подарила. От избытка эмоций.

– Слабая версия.

– Придумай сильную, – Медников усмехнулся. – Хотя, можешь не стараться. Откуда взялась фотография в столе Ходакова, мы не знаем и, возможно, никогда не узнаем. Это не имеет отношения к твоему заданию. Мой совет: порви этот снимок, брось вон в ту урну и забудь о нем навсегда. Когда вылетаешь в Лондон?

– Седьмого буду на месте.

– Счастливо добраться. Когда-нибудь я приглашу тебя на ужин. Но не сегодня. Надо складывать чемодан и вообще дел полно. Только с завтрашнего дня выпросил двухнедельный отпуск. В августе и сентябре не отпускало начальство. Уезжаю в Прибалтику, в Пярну. Десять дней вольной жизни в санатории.

– По-моему, купальный сезон на Балтике уже закончился. Или я ошибаюсь?

– Для любителей водных процедур там есть бассейн с морской водой, – Медников не понял шутки. – Уже много лет я отдыхаю в Прибалтике. Крым и Сочи не люблю. Я тебе больше не нужен?

– Да-да, у тебя ведь жена болеет, – Колчин, чувствуя свою вину, развел руками. – А я донимаю разговорами.

– Жена поправится, – Медников усмехнулся. – Тебе нельзя отвлекаться на всякую ерунду. Иначе с бабами Ходакова будешь всю жизнь разбираться и только ещё больше запутаешься.

Медников зябко поежился, встал и протянул руку. Колчин крепко пожал теплую ладонь и пошел к метро. Карточка, не разорванная, осталась лежать в кармане пиджака.

Москва, район Басманной. 3 октября.

Поднявшись лифтом на седьмой этаж, Медников не стал терзать звонок, открыл дверь ключом. В прихожей было темно, из приоткрытой двери в большую комнату пробивалась полоска света, доносилась музыка, видимо, работал телевизор. Медников хотел включить настенное бра, уже потянулся рукой к включателю, но передумал. Скинув кепку и плащ, пристроил одежду на вешалке, принюхался. Пахло сигаретным дымом и ещё чем-то кислым, отвратительным, будто возле деревянной галошницы или вешалки, стилизованной под старину, стошнило человека, злоупотреблявшего спиртным сутки напролет, а то и дольше.

Медников вошел в комнату, сел на диван и вытянул ноги. В кресле перед телевизором, запрокинув голову назад, дремала жена Любовь Юрьевна.

Челюсть отвисла, по подбородку растеклась слюна, из полуоткрытого рта высовывался кончик языка, покрытого нездоровым серым налетом. На журнальном столике со стеклянным верхом пепельница, переполненная окурками, большая уже ополовиненная бутылка итальянского вермута, плоская фляжка коньяка и стакан с золотым рисунком, в котором Люба смешивала свое пойло. По столу растеклась лужица спиртного. На темном ковре и обивке кресла серые размазанные следы сигаретного пепла.

Дотянувшись до пульта, Медников выключил телевизор.

– Ау. Проснись, красотка.

Любовь Юрьевна подняла голову, зажмурившись от света, уставилась на мужа мутными пустыми глазами. Три дня назад Медникова с супругой пригласил на новоселе сослуживец по МИДу. Обычное бестолковое застолье, на которое нельзя было не взять Любу, которая обещала держаться молодцом, только пригубить десертное вино, но коньяка – ни глотка. Он поспешил откланяться первым, уволок за собой жену, пока она не надралась, не начала молоть ахинею при начальстве Медникова. Но той малости, что успела выпить Люба, ей хватило, чтобы завестись. И вот четвертый день она не могла остановиться.

– Может быть, ты не заметила, но я вернулся, – сказал Леонид Васильевич.

– А разве ты уходил? – жена рукавом халата вытерла с подбородка слюну. – Правда, уходил?

Медников не ответил, давая жене возможность окончательно проснуться. Когда он, сорвавшись с места, поехал на встречу с Колчиным, супруга, отвернувшись к стене, лежала на кровати в спальне, едва слышно сопела, делая вид, будто спит. Видимо, ждала той минуты, когда муж уберется, а она, измученная вчерашним похмельем, прокрадется в гостиную, откроет бар и приложится к бутылке. Но Медников, предвидя такой оборот событий, перед тем, как выйти из квартиры, закрыл бар, ключ опустил в вазочку с декоративными цветами. Напрасно старался. Люба легко нашла то, что искала, и открыла бар. С ее-то нюхом можно в разведке работать, такой талант тонет на дне бутылки.

– Скоро кончится твой сволочизм?

Медников хорошо понимал, что разговаривать с женой, когда она находится в таком состоянии, затея бессмысленная, только слова попусту тратить, но смог удержаться.

– Мне осточертел этот геморрой. Твои пьянки. Любой повод хорош, чтобы нажраться, а без повода – ещё лучше… Черт бы тебя побрал.

Неожиданно Любовь Юрьевна заплакала навзрыд. Медников замолчал, сжал ладонями виски, чувствуя, что вместо головы у него теперь железная гиря, которая почему-то болит. Он хотел встать и спустить в мусоропровод все оставшиеся в доме бутылки, но передумал. Пусть спиртное остается на столе и в баре. Иначе Люба может взять деньги и ночью отправиться в магазин за бутылкой, ещё хуже – пойдет в магазин без денег, прихватив какое-нибудь колечко или фирменную шмотку.

Ясно, поход кончится в трезвяке или отделении милиции, откуда завтрашним утром Медникову предстоит вытаскивать жену, оправдываясь и краснея перед дежурными милиционе-

рами. Сопляками и недорослями, которые тому только и научились за короткую жизнь, что обирать пьянчужек и наркоманов, попавших к ним на ночевку. Запереть квартиру изнутри – не вариант. Жена будет беспокоить его всю ночь, не даст выспаться.

– Леня прости. Леня…

– Оставь эту демагогию, дура.

Давясь слезами, жена свалилась с кресла, встала на колени, подползла к мужу. Медников, поморщившись, поднялся на ноги. Любовь Юрьевна отрезала пути к отступлению, крепко обхватив бедра мужа руками и продолжая плакать.

– Леня, пообещай мне одну вещь, – она смотрела на мужа снизу вверх мутными туманными глазами. – Пожалуйста, похорони меня в свадебном платье. Том самом, белом. И с фатой. Ты обещаешь, что сделаешь то, о чем я прошу. Обещаешь?

Медников поднял руки и сильно сдавил ладонями виски. Казалось, башка треснет от боли.

– С чего тебе вдруг умирать? Ты не больна, – хотелось добавить пару крепких выражений, но он сказал другое. – Мне надоел твой бред. Я устал от него.

– Нет, ты только обещай. Я ведь больше ни о чем не прошу. Неужели ты не можешь сделать этой малости? Похоронить меня в свадебном платье. Чтобы все пришли и увидели, какая я красивая. Какая я была красивая до того, как встретила тебя.

– Хорошо, хорошо, – Медников с усилием оторвал от себя руки жены, попятился спиной к двери. – В чем скажешь, в том и похороню.

– Ты сам сделал меня такой, – крикнула Любовь Юрьевна. Она встала с колен, спиной отступила обратно к креслу, пошатнулась, но не упала. – Сам меня спаивал, сволочь, и теперь ещё читает лекции. Помнишь, как все начиналось, пристойно и благочинно? Приемы в посольстве, вечеринки у друзей. И так день за днем. Ты не сказал мне «нет, не пей».

– Заткнись, – рявкнул Медников.

– Сам заткнись. Придурок чертов.

Он вышел в коридор, слыша за спиной надрывные стоны и вопли жены.

– Ради карьеры, ради того, чтобы вскарабкаться ещё на одну ступеньку, ты родной матери горло перегрызешь.

Медников остановился посередине коридора, повернулся, сжал кулаки. Хотелось вернуться и так врезать Любке между глаз, чтобы та вылетела из домашних тапочек и врезалась дурной башкой в стену.

– Боишься, что тебя выгонят из конторы? Попрут с работы, потому что твоя жена позорит честь сраного мундира… Конечно, ты весь в белом, а я в дерьме. Жопа ты несчастная. Слизняк мидовский.

Любовь Юрьевна рассмеялась надрывным идиотическим смехом, больше похожим на рыдания выжившей из ума старухи, страдающей ангиной.

Не умывшись, Медников прошел в спальню, разделся, упав на кровать, погасил ночник. Он слышал, как в соседней комнате снова заиграла музыка, это жена включила телевизор. Грохнулся на пол и разбился стакан толстого стела. Медников ворочался в темноте, стараясь заснуть. Он думал, что история с женой зашла слишком далеко. Люба опускается все ниже: пристрастие к выпивке, алкоголизм, припадки злости или жалости к самой себе, психопатия… Женский алкоголизм в отличие от алкоголизма мужского практически не поддается лечению, Что же дальше? Психушка? Надо решать этот вопрос. Так или иначе, его надо решать.

Тем временем Любовь Юрьевна, глубоко порезав палец о толстое дно разбитого стакана, поднялась с кресла, вышла из комнаты, на ходу сбросив с себя халат. Оставшись в чем мать родила, побрела длинным коридором к кухне, остановилась. Капельки крови падали на светлую ковровую дорожку. Медникова зажгла свет в туалете, оставила дверь в коридор открытой.

Она сидела на унитазе, широко расставив ноги. Плакала, отклеивала с век накладные ресницы, размазывала по щекам тушь и губную помаду. Хотелось курить, но сигарет под рукой не было.

Медникова посасывала порезанный палец, всхлипывала и сплевывала на пол кровь пополам со слюной. Ей не хотелось жить.

Глава пятая

Лондон, Берменси. 5 октября.

Алексей Степанович Донцов, живший в Англии под именем Майкла Ричардсона, первую половину этого будничного дня провел не в конторе своего магазина скобяных товаров, а у себя дома. Жена Хелен, как обычно, поднялась чуть свет, в седьмом часу утра и ушла на службу в муниципальную больницу.

Донцов поднялся с кровати, набрал телефонный номер управляющего магазином, молодого человека по имени Гордон, и лающем голосом пожаловался на здоровье. Сказал, что простуда не проходит, горло болит так, будто его изнутри натерли наждаком, высокая температура, которая держится уже третий день и, кажется, не собирается спадать. Гордон выразил соболезнования хозяину, пожелал ему поскорее поправиться, встать на ноги. На вопрос о делах в магазине управляющий ответил, что застой немного затянулся, но на следующей неделе, как обычно в начале октября, объемы продаж возрастут. Довольный ответом, Донцов положил трубку, принял холодный душ и растерся полотенцем. Затем приготовил яичницу, как обычно за завтраком, уставился в экран небольшого телевизора, установленного на открытой кухонной полке.

По платному кабельному каналу показывали классическую английскую комедию, напоминающую голливудское дерьмо высшей пробы с местным британским колоритом. Множество героев, которые искали какие-то драгоценности, мельтешили и толкались в кадре, наступая друг другу на ноги. В том месте, где зрителю полагалось смеяться, за кадром звучало дружное ржание. И вот он, наконец, апофеоз, высшее проявление утонченного английского юмора. Торжественный прием какой-то важной особы в старинном замке. Посередине банкета хозяину родового гнезда, субъекту с постной физиономией, наряженному во фрак, кружевную сорочку и галстук-бабочку, залепили по физиономии бисквитно кремовым тортом. Без этой беспроигрышной, совершенно уморительной, с точки зрения англичан, сцены с тортом, размазанным по лицу, здесь не обходится ни одной комедии. Неистовое ржание за кадром продолжалось целую минуту.

Донцов допил кофе, выключил телевизор и поставил в мойку грязную посуду. Он зашел под лестницу, позвенев ключами, отпер дверь столярной мастерской, находящейся в подвале. Зажег лампочку в матовом стеклянном колпаке и спустился вниз по прямой деревянной лестнице. Через пять минут он открыл большой темный пакет, пропахший помойкой, наполненный бумажным мусором и скомканными сигаретными пачками. Он разложил на верстаке порванный бумажный листок. Устроившись на высоком табурете, натянул резиновые перчатки и, вооружившись лупой, расправил клочки бумаги, на которых от руки было написано несколько строк. Почерк незнакомый.

Из обрывков с ровными краями и угловыми обрезами выложил рамку, затем поместил в неё подходящие по размеру части листка. Ориентируясь по линиям разрыва, заполнил пустое пространство подходящими клочками бумаги. Когда мозаика была сложена, накрыл её куском стекла и прочитал текст записки: «Сэм, ты хренов идиот. Если я ещё раз увижу рядом с тобой эту суку, выдавлю твой левый глаз. А кожу на спине порежу на ремни и хорошо заработаю на их продаже. Твой Джон. Пока ещё твой». Донцов подумал, что перед ним типичная записка, которую через бармена передал один гомосексуалист другому. Эти ребята болезненно ревнивы. И если уж гомик в припадке ревности обещает бывшему дружку порезать его на ремни, пожалуй, это не пустые угрозы, и самое время предпринять меры безопасности. Или подумать о спасении души.

Донцов снял стекло, скомкал бумажки и бросил их в черный пластиковый мешок, полный зловонных отбросов.

Пять с половиной недель Донцов по заданию Москвы вел наблюдение за гостиницей «Маленькая роза», где три месяца назад самым таинственным образом оборвались следы Дмитрия Ходакова и агента Ричарда Фелла. Заведение расположено на бедной городской окраине в восточной части Лондона. Трехэтажное обшарпанное здание на перекрестке двух улиц. Внизу небольшой паб, на втором этаже ресторанчик и помещение конторы. Третий этаж занимали двенадцать номеров непосредственно гостиницы, все номера двухместные, плата за ночь четырнадцать с половиной фунтов. Из удобств есть двуспальная кровать, душ и туалет. В гостинице не останавливаются гости столицы, номера используют для ночных свиданий гомосексуалисты.

Донцов свел знакомство с пятнадцатилетним подростком по имени Крис, жившим в доме через улицу от «Маленькой розы», худым как жердь и острым на язык. Парень из бедной шотландской семьи нигде не учился и уже пристрастился к мелкому воровству из сурпермаркетов или автомобилей, оставленных владельцами без присмотра.

Дважды в сутки из «Маленькой розы» старик служащий выносит мусор в пластиковых мешках и складывает это добро возле помойных баков на заднем дворе. В отдельных мешках объедки из паба и ресторана. Эти дерьмо никому не нужно. Следует просматривать лишь тот хлам, который выносят из гостиничных номеров и конторы на втором этаже. В этом деле без помощника было не обойтись. Вид местного подростка, роющегося в помойке, в этом бедном квартале никого не удивит. Другое дело, если сам Донцов, приличный господин, человек, стоящий не на последней ступени общественного положения, с головой заберется в помойку. Он угостил Криса сигаретами, сунул ему в лапу две банкноты по пять фунтов. А затем предложил временную и грязную, но весьма прибыльную работу.

Когда мусор выносят на помойку, нужно копаться в мешках, отбирая черновики деловых бумаг, записки, сигаретные пачки с рукописными записями или пометками и другие предметы, которые могли бы вызвать интерес частного детектива. Складывать отобранные вещи в пакет и привозить к станции метро «Элефант энд Кастл» к двум часам дня. Донцов будет ждать наверху. Тридцать фунтов в день плюс расходы на дорогу, ведь грязное лондонское метро, которое ненавидят сами горожане, – удовольствие хоть и сомнительное, но очень дорогое.

Когда Донцов назвал сумму гонорара, в глазах Криса загорелся бесовской огонек. Ради таких денег парень землю будет жрать, не то что в помойке рыться. И все-таки голую корысть хорошо бы сдобрить захватывающей историей про частного сыщика, который ищет в гостинице пропавшего сына своего клиента или давнего друга. «Ты, правда, детектив? – Крис выслушал рассказ Донцова молча, смерил его колким недоверчивым взглядом, усмехнулся и отрицательно помотал головой. – Что-то не верится». «Я соврал», – ответил Донцов. А про себя отметил, что на этот раз придумал такую неудачную историю, что не смог провести полуграмотного мальчишку. Врать надо просто и убедительно.

«С хозяином этой дыры у меня личные счеты, – сказал Донцов. – И я хотел бы побольше узнать об этом человеке». «Он поимел твою жену? – облизнулся Крис. – Я прав? А твоя жена красивая?» «Ты почти угадал, – кивнул Донцов. – Она красивая, но мальчишками вроде тебя не интересуется». Эта ложь звучала уже лучше. Теперь главное – не переиграть, не вдаваться в мелкие детали, на которых рассказчика можно подловить.

Когда месяц назад Крис доставил своему работодателю первый помойный улов, два объемистых пакета с мусором, Донцов понял, что парень перестарался. Среди отбросов попадались только бесполезные скомканные салфетки, рваные колготки и даже использованные презервативы. Пришлось выдать подчиненному тридцатку и провести долгую беседу, разъясняя, мусор какого свойства нужно выбирать. На следующий день парень снова перестарался и приволок все то же дерьмо, что и накануне. Новая беседа затянулась на целый час.

Терпение Донцова было вознаграждено в конце первой же недели. Среди мусора попалась катушка старой ленты от пишущей машинки «Ремингтон». Полночи Донцов не вылезал

из подвала, исследуя полустертую ленту. Он пришел к выводу: велика вероятность, что именно эта пишущая машинка с приметным старым шрифтом была использована, когда исчезнувший Ходаков печатал свое письмо, адресованное легальному резиденту. Однако окончательный вывод должны были сделать эксперты в Москве. Машинкой в «Маленькой розе» пользовались редко, от случая к случаю. В мусоре две недели кряду не удавалось обнаружить ни одной бумажки, отпечатанной на «Ремингтоне».

Но удача снова улыбнулась: два порванных листка с машинописным текстом, что Крис выудил из мешков, представляли собой черновики ресторанного меню, которое, как обычно, осенью, обновляет хозяин. Серая дешевая бумага визуально похожа на ту, что использовал Ходаков. Но тут опять последнее слово за экспертами Службы внешней разведки. Лента пишущей машинки, обрывки ресторанного меню и ещё кое-какие мелочи, запакованные в герметичный контейнер, ушли в Москву по надежному оперативному каналу.

Ежедневно Крис продолжал доставлять пакеты с мусором, но Донцов уже получил новые инструкции из Москвы и решил, что вчерашняя встреча с парнем – последняя. В Лондон прибывает Валерий Колчин, значит, операция «Обелиск» вступает в новую стадию. Забрав пакет на старом месте, возле станции метро «Элефант энд Кастл», Донцов угостил своего молодого помощника хорошим обедом и, чтобы расставание не показалось Крису слишком горьким, вручил ему двести фунтов премиальных. «Ты нашел, что искали?» – спросил парень. «Нашел», – кивнул Донцов. Общаясь с этим проницательным малым, он решил говорить ему ту правду, которую мог сказать.

…Перебрав остатки мусора, Донцов затолкал пакеты в печку, открыл газовый вентиль, зажег огонь. Когда мусор превратился в пепел, поднялся по лестнице наверх, запер подвальную дверь. Устроившись в кухне, достал из холодильника банку пива и бутерброды с курицей. Донцов жевал, смотрел через окно на кирпичный фасад дома через улицу. Скоро стемнеет, зажгут фонари, улица сделается пустой и мрачной.

В четыре тридцать ожил телефон.

Управляющий магазином, извинившись за беспокойство, сказал, что звонил какой-то господин, назвавшийся Томом Эдвардсом. Он хочет купить восемнадцать фунтов оцинкованных гвоздей и кое-какой плотницкий инструмент для своей столярной мастерской. Но просит о небольшом кредите, который обещает погасить в конце года. Без согласия хозяина магазина Гордон не может решить этот вопрос, поэтому потревожил больного.

– Говоришь, просит о кредите? – Донцов, заволновавшись, привстал со стула и проворчал в трубку. – Хм, о кредите… Все хотят только одного.

Звонка Эдвардса, частного детектива, он ждал третью неделю. Было условленно, что в тот день, когда сыщик закончит сбор информации о ресторане и гостинице «Маленькая роза», он позвонит в магазин скобяных изделий и лично или через управляющего назначит место встречи и время, пользуясь кодовыми словами. Донцов спросил, о какой сумме идет речь и, услышав ответ, обрадовался: Эдвардс готов передать информацию уже сегодня.

– Деньги невелики, – ответил Донцов. – Думаю, что мы сможем договориться.

Он спросил управляющего, пойдет ли тот на ближайший футбольный матч, в котором участвует «Челси». Гордон ждал этого вопроса и ответил, что пойдет обязательно, обещают аншлаг, поэтому он побеспокоился о билетах для себя, своей жены и, разумеется, хозяина. Как обычно, заказал по телефону три стоячих места по семь фунтов за билет.

– Надеюсь, к выходным вы поправитесь.

– Тоже надеюсь, – вяло ответил Донцов, зная наперед, что выходные забиты делами до отказа, поэтому его мнимая болезнь ещё долго не отступит.

Попрощавшись, положил трубку и, посмотрев на часы, стал неторопливо дожевывать бутерброд, запивая его пивом. Время до встречи, назначенной Эдвардсом, ещё есть.

Среди своих подчиненных, а в магазине работало девять мужчин разного возраста, хозяин поддерживал имидж стопроцентного британца, хотя по легенде был выходцем из скандинавской страны. Англичанину по определению положено быть страстным рыболовом, знатоком футбола, и, разумеется, садоводом. Все служащие магазина по примеру своего босса болели за «Челси» и подписывались на журналы для рыболовов. Если бы хозяин болел за лондонский «Арсенал», то и подчиненные, не задумываясь, перешли под знамена этого клуба. Увлекайся он не рыбалкой, а большим теннисом, можно биться об заклад, служащие скобяной лавки стали приходить на работу с ракетками и купили пятифунтовые годовые абонементы в «Хэмпстед Хэс». Так уж здесь заведено: что любит начальник, то обожают его подчиненные.

Донцов написал короткую записку жене: сообщил, что у него на вечер назначена встреча с бизнесменом из Германии, Хелен может не ждать мужа и поужинать одна. Переодевшись в темные брюки, свитер и серую куртку, он вышел на крыльцо, запер дверь, поднял лежавший у порога пухлый многополосный номер газеты «Дейли миррор», оставленный почтальоном ещё утром.

Прошагав до перекрестка улиц, Донцов на ходу свернул «Миррор» вдвое и сунул между страницами небольшой конверт с деньгами, гонораром детектива, газету запихнул во внутренний карман куртки. И тут увидел такси с желтым огоньком на крыше, тупорылый черный «остин», внешне напоминающий похоронный катафалк, но весьма комфортный внутри. Два мягких сидения одно против другого, застеленные бордовым ковром, телефон, которым можно воспользоваться за отдельную плату, а простор такой, что чувствуешь себя пассажиром лимузина представительского класса. Донцов помахал рукой, когда машина остановилась, забрался внутрь и назвал адрес. Он поднял стекло, отделяющее салон от кабины, давая понять водителю, что разговорами за жизнь сыт по горло.

Лондон, район Саттон. 7 октября.

Минут через тридцать он вышел на тихой площади, поплутав по узким переулкам, напоминающим лабиринты, дошагал до платной автомобильной стоянки, сел за руль оставленного там «Ягуара Соверен» цвета серый жемчуг. Такой седан, под капотом которого помещаются двести пятьдесят лошадей, с классической компоновкой кузова и кожаным салоном песочного цвета, разумеется, не по карману владельцу магазина скобяных товаров. Поэтому машина была оформлена на подставное лицо.

Следующий час «Ягуар», бессистемно меняя маршруты, застревая в дорожных пробках и вылезая из них, колесил по Лондону, когда время приблизилось к семи вечера, машина остановилась у недорогого стоячего паба «Лошадь и рассвет», на вывеске которой была нарисована фигурка конного рыцаря на фоне бледно розового круга. Донцов вышел из машины, глянул на темнеющее небо. Накрапывал дождь, над городом повисла серая туча, похожая на огромное лохматое ухо, которое прислушивается к человеческим голосам, ловит любое ненароком брошенное слово. Человек, наделенный воображением, разглядел бы в абрисе другой тучи большой глаз, неотступно наблюдающий за горожанами.

Донцов вошел в душное помещение паба, пропахшее скисшим пивом и пережаренными котлетами, осмотрелся. По правую руку стойка, за которой скучал бармен в белом фартуке, за его спиной на стене развешаны фотографии королевы и прочих членов августейшей семьи, чуть ниже снимки породистых скакунов, выигравших прошлогодние скачки на Королевском ипподроме Аскот. По периметру стен и витрины, выходящей на улицу, расставлены квадратные столы на металлических ножках. Посетителей можно по пальцам сосчитать. Два смурных джентльмена, страдающие похмельем, попивают пиво и листают бульварные газеты. В углу устроилась веселая компания, три мужчины и три женщины, наперебой рассказывали друг другу какие-то истории, прикладывались к кружкам, делая перерывы, чтобы посмеяться.

Донцов взял пинту светлого пива за тридцать пять пенсов, орешки и, в уме перевел фунты на рубли. Да, приятно сознавать, что хотя бы по уровню цен на пиво в увеселительных заведениях Россия давно обогнала, даже перегнала Британию. Он отошел к столику у витрины, пытаясь рассмотреть то, что происходит на улице. Но осенние сумерки уже перетекли в дождливый вечер, а стекла запотели изнутри.

До встречи с Эдвардсом оставалось четверть получаса. Имя этого частного сыщика, пятидесятилетнего холостяка, не добившегося в жизни больших успехов, не значилось ни в каких справочниках. Специализируясь на сексуальных расследованиях, он имел узкий круг постоянных клиентов, хорошо знал жизнь лондонского дна, выполняя поручения деликатного характера, с которыми справится не каждый сыщик. С Донцовым пару лет назад его свел один общий знакомый, с тех пор Эдвардс время от времени получал задания от русского нелегала, не представляя себе, на кого именно он работает.

Прикурив сигарету, Донцов стал наблюдать за компанией, веселившийся в углу зала.

– С днем рождения дорогой Скотт, с днем рождения, – хором запели три женщины, обращая песню к высокому мужчине в сером недорогом костюме. На голове Скотта косо сидел островерхий золотой колпак, над верхней губой висел пластмассовый красный нос на резиночке.

– Спасибо, спасибо, друзья, – крикнул Скотт, залпом рванул полкружки. Праздничного торта, на котором нужно было задуть свечи, в пивной не было. Но по этому поводу никто не грустил.

Сколько Донцов жил в этом городе, столько удивлялся странной традиции англичан справлять сугубо семейные праздники в пивняках. При этом сам именинник не рассчитывает на подарки, это тоже традиция. В лучшем случае ему вручат какую-нибудь копеечную безделушку, купленную в ближайшей лавочке. По первой кружке пива он ставит всем гостям, а затем те по очереди поят пивом самого виновника торжества и других гостей. Как видно, на этот раз Скотту преподнесли красный клоунский нос на резиночке и колпак, отороченный понизу бумажной полоской серпантина.

– С днем рождения, дорогой Скотт, – снова запели женщины.

Именинник смеялся и подпевал. Он имел такой глупый вид, будто только что получил по башке крышкой от унитаза.

Когда над входной дверью зазвенел колокольчик, Донцов обернулся. Эдвардс, как всегда, пришел пятью минутами раньше назначенного времени. Он взял кружку пива, встал за стол Донцова, поприветствовав его кивком головы. Со стороны могло показаться, что встретились двое знакомых, возможно, соседи по улице. Эдвардс в своем вечном поношенном плаще с мокрыми от дождя пегими волосами сегодня казался особенно жалким и несчастным. Он выглядел старше своих пятидесяти трех лет и напоминал живой музейный экспонат, о существовании которого забыли много лет назад, и он успел заплесневеть на чердаке.

Эдвардс положил на стол сложенный вдвое номер газеты «Дейли миррор». Донцов вытащил из кармана куртки свою газету. За хором человеческих голосов и застольной песней тихий разговор двух мужчин трудно услышать посторонним.

– Здесь в пакете полный отчет о проделанной работе, – детектив постучал указательным пальцем по газете. – Поэтажный план гостиницы «Маленькая роза» с расположением всех комнат для постояльцев, служебных и подсобных помещений. Прежде гостиница была вполне приличным заведением, где останавливались небогатые туристы, в основном из Восточной Европы, посещавшие английскую столицу. Бывший владелец гостиницы Чарльз Пулмен, ныне пенсионер, пару лет назад продал заведение некоему Дэвиду Гойзману, гражданину Израиля. С той поры в «Маленькой розе» начались большие перемены. Второй этаж, прежде состоявший из гостиничных номеров, переоборудовали под ресторан для гомосексуалистов.

Колчин усмехнулся.

– Туристы там больше не останавливаются, гостиничные номера на ночь снимают геи, – продолжил Эдвардс. – Гойзман держится в тени, мало с кем водит дружбу и всячески избегает огласки своей деятельности. Он ведь держит не чайный салон для великосветских дам, а притон низкого пошиба. Короче, это неприятный и опасный человек. Впрочем, сам все прочитаешь. Не хочу портить удовольствия. Скажу только, что хозяин бардака так и не сумел разбогатеть на своем начинании. Он живет весьма скромно, едва сводит концы с концами. Взял кредиты в одном из банков, но рассчитаться с долгами – это большая проблема. Если Гойзман не погасит задолженность в следующем месяце, его заведение могут пустить с молотка. В бизнесе принимают участие его родственники. Точнее племянник, сын родной сестры. Он на побегушках у дяди. В последнее время занимаются охраной его тела.

– Как тебе удалось собрать досье на Гойзмана?

– Просто очень этого захотел. Вообще это долгая история.

– Ты сам был в гостинице?

– Разумеется. И не один раз. Даже ночевал там. Одна девушка, которая округляет свой возраст сразу лет на двадцать, а то и на четверть века, привязала меня к кровати и отшлепала мягким ремешком. А потом изнасиловала. И даже не взяла денег.

– А девушка, про которую ты рассказываешь, случайно была не мужиком?

– От тебя трудно скрыть правду, – Эдвардс пригубил пиво. – Мне пришлось выдать себя за гомосексуалиста.

– О, я смотрю, ты неплохо провел время.

– В моем возрасте такие стрессы уже не доставляют прежнего удовольствия, – Эдвардс усмехнулся. – «Маленькая роза» – это такое место, сточная канава, где нормальному человеку лучше не показываться. И тебе не советую. Яйца целее будут. Паб на первом этаже и ресторан просто кишат всяким отбросами. Они там знакомятся, пьют, курят травку. Толкают друг другу дурь и ширяются. Девку там редко встретишь, торчат в основном гомосексуалисты со стажем – это постоянный контингент. Психованные идиоты. Могут пырнуть ножом за одно только слово. Назовешь гомака гомаком и, считай, дырка в брюхе у тебя уже есть.

Единственный человек, который мог услышать обрывки фраз – седой высокий господин за ближним столиком. Донцов внимательно пригляделся к нему, кося глазами, и решил, что этот человек не опасен. Он был перегружен пивом и, кажется, понимал, что перебрал через край. Смачно рыгнув, господин отставил в сторону пустую кружку, он вышел из паба, покачиваясь из стороны в сторону, как парусник в четырехбальный шторм. Донцов проводил джентльмена взглядом.

– Что если я сам заскочу в «Маленькую розу»? – спросил он.

– Категорически не советую. Эти парни тебя сразу раскроют, поймут, что ты человек не их круга. Чужак. А к чужакам относятся подозрительно, их там не любят. Я на проституции, на гомосексуальных делах собаку съел, знаю все тонкости. Но даже мне было трудно работать.

– Хорошо, раз ты не советуешь…

– Не советую, – Эдвардс помотал головой и допил пиво. – Как ты просил, фотографии я не печатал. А негативы проявил. Они здесь. Если я понадоблюсь…

– Я знаю, где тебя найти.

Эдвардс придвинул к противоположному краю стола номер свой газеты, взял «Дейли миррор» Донцова и повернулся и пошел к выходу.

Лондон, район Кэмден-Таун. 7 октября.

Встречать Колчина начальство поручило корреспонденту ИТАР-ТАСС Станиславу Никишину, который отнесся к этому заданию ответственно и творчески, и помимо обязательной программы наметил небольшой культурно-развлекательный тур. Никишин с семьей проработал в Лондоне неполных четыре года, неплохо ориентировался в городе, среди своих кол-

лег считался человеком остроумным, немного развязным, умеющим заболтать любого самого нелюдимого мрачного собеседника.

При встрече в аэропорту он так долго тряс руку Колчина, искательно заглядывал в глаза, будто встречал не случайного человека, а любимого родственника, с которым несправедливая судьба разлучила Никишина на долгие годы. Он погрузил вещи Колчина, чемодан и две спортивные сумки, в тележку. И, не взирая на вежливые протесты, докатил поклажу до подержанного служебного «форда». Сев за руль, пристегнул Колчина ремнем к сиденью, завел мотор и тронулся с места.

– Блин, с этим правосторонним движением просто беда, – сказал Никишин. – Вся Европа ездит по человечески, а здесь все наоборот. Когда садишься за руль, такое впечатление, будто все время жаришь по встречной полосе. Ты раньше бывал в Англии?

– Не приходилось, – соврал Колчин. – К сожалению.

Никишин был простым корреспондентом, срок загранкомандировки которого истекал через пять месяцев. Вести с ним откровенный разговор об истинной цели своего приезда в Лондон, да ещё в автомобиле, это все равно, что общаться напрямую с британской контрразведкой.

– Тогда ты ничего не потерял кроме, разумеется, денег, – сказал Никишин. – Зарплата тут нормальная, плюс служебная тачка, бензин оплачивает ТАСС. Но работа рутинная, переписываем то, что попадается в здешних газетах. Плюс ночные дежурства, плюс слежка, которую здесь ведут за всеми русскими, и дипломатами, и журналистами. Начальство давит: туда не ходи, сюда не суйся. Это очень отравляет жизнь.

Аэропорт Хитроу, где приземлился самолет из Москвы, находится в двадцати четырех километрах западнее городской черты, поэтому путь до центра предстоял не дальний. Через час с небольшим машина доехала до северной части города, остановилась возле узкого пятиэтажного дома в один подъезд на Дартмут Парк Роуд. Колчин поспешил взять чемодан и одну из сумок. Никишин провел гостя в подъезд, спустился на несколько ступенек вниз, отпер дверь полуподвала, какие в старых московских домах обычно занимали дворники.

– Прошу устраиваться, – Никишин вошел в квартиру, поставил сумку в прихожей. – Как видишь, дом никто не охраняет, сюда даже полицейского не приставили. Это мы в Москве с иностранцами носимся. У каждого дома, где они живут, ментов ставим. Забором их отгораживаем. Так сказать, охраняем покой и сон. Бдим. А в Лондоне на иностранцев чихать хотели. На этажах по одной двухкомнатной квартире. В каждой из них живет корреспондент ТАСС с семьей. Всего пять корреспондентов. Так что, все твои сослуживцы, в том числе заведующий корреспондентским пунктом, собраны под одной крышей. Кстати, ты черный хлеб привез? И соленых огурцов? Отлично. Тут не пекут черного хлеба. Огурцы только маринованные.

Чтобы осмотреть служебную квартиру Колчину хватило минуты. Крошечная прихожая. Длинная, как школьный пенал, кухня, с подслеповатым окошком, выходящим на улицу. Комната со светлыми крашеными стенами могла бы смотреться куда лучше, если бы не мебель, привезенная сюда ещё в незапамятные времена то ли со свалки, то ли с блошиного рынка, да ещё выцветшие от времени бумазейные занавески.

– Я думал, что совмещенный санузел – наше отечественное изобретение, – вздохнул Колчин.

– Нет, англичане додумались до этого значительно раньше нас, – сочувственно кивнул Никишин. – М-да, ещё та квартирка. Потолки – два семьдесят, ремонта не делали лет двести. Словом, разруха и запустение. Да ещё сырость и холод.

– Я жил в местах и похуже.

– Кстати, ты водку привез? – вспомнил Никишин. – Нет, меня угощать не надо. Пока не надо. Скоро наступят холода, будешь сам выпивать на ночь для согрева. Иначе не заснешь, задубеешь.

Он поморщился, но тут же спохватился, решив, что сболтнул лишнее, раньше времени испортил приезжему человеку настроение. И сам себя поправил:

– Впрочем, для одинокого мужчины лучшего жилья просто не придумаешь. Тут довольно уютно и вообще атмосфера какая-то… Свойская.

Колчин втянул в себя воздух, словно хотел почувствовать эту свойскую атмосферу. Но услышал лишь запах какой-то химии, которой накануне его приезда морили насекомых, затхлой подвальной сырости и грибка, глубоко въевшегося в стены.

– От холода есть верное средство – женщина, – пошутил он.

Никишин не понял юмора, помрачнел.

– Для начала – пара практических советов, – сказал он. – Не пей воду из-под крана. И не води сюда шлюх, ни посольских, ни тем паче английских. В первом случае заболеешь животом, потому что лондонская вода – это отрава. Во втором случае последствия будут хуже. Ты ведь стажер? Приехал на три месяца, так? Трахать женщин в Лондоне может позволить себе только высокое начальство. Приезжает сюда какой-нибудь важный хрен из Москвы. Он имеет, кого хочет. И пьет сколько влезет. Но мы с тобой до этого высокого уровня пока не доросли. Усек?

– Я понятливый.

Прикурив сигарету, Колчин вытащил из сумки две большие бутылки водки, поставил их на подоконник охлаждаться, прошелся по комнате, осматривая мебель. Попробовал запереть дверцы шкафа, но ключ прокручивался, язычки не выходили из сломанных замков.

– Телевизор тоже не работает, – постным голосом сообщил Никишин. – Ладно, пошли отсюда. На воздух.

Лондон, район Саут-Кенсингтон. 7 октября.

Вторым номером развлекательной программы значился показ новому стажеру городских достопримечательностей. Никишин проехал на казенном «Форде» по набережной Темзы, издали показал Колчину здание парламента и телевизионную вышку. С первого взгляда могло показаться, что сюда, за две с половиной тысячи километров от Москвы, перетащили Останкинскую телебашню, предварительно обрубив её шпиль, торчащий над смотровой площадкой и рестораном «Седьмое небо».

Осмотреть другие знаменитые места английской столицы из машины не было возможности, время приближалось к вечеру, и «Форд» то и дело попадал в дорожные пробки. Никишин, ругаясь последними словами, добрался места, где располагалось русское посольство: узкой улочки Кенсингтон Пэлас Гарденс с обеих сторон огражденной шлагбаумами. Пристроив машину на свободное место, объявил, что дальше, к посольству, они дойдут пешком, чтобы проехать до места нужен специальный пропуск, а получить бумажку в этой бюрократической стране – проблема.

Спутники прошагали несколько сотен метров, за будкой полисмена, охранявшего покой дипломатов, свернули в палисадник, отделенный от улицы забором из железных прутьев, поднялись на крыльцо посольства и спокойно зашли внутрь. Никишин провел Колчина в зал приемов, шикарное помещение со стенами, отделанными деревом, огромными люстрами и витражами. И рассказал пару поучительных историй из жизни знаменитых людей, побывавших на здешних приемах. В первой истории фигурировала знаменитая на всю Россию эстрадная певица, которая так нажралась на вечеринке, устроенной в её честь, что диву выволокли отсюда вперед ногами. Вторая история касалась известного поэта.

– И вот мы приглашаем его на банкет, – рассказывая, Никишин хлопал себя по бокам, словно искал пропавший кошелек. Вращаясь среди дипломатов, он так и не усвоил их рафинированного лексикона, и часто пользовался жаргонными словечками.

– Собрались дамы, все наши здешние тузы, включая посла. Корреспонденты центральных газет, ТАСС и вообще много всякого народа. Он ведь чуть ли не культовая фигура, этот рифмо-

плет. Все наши вырядились, как на пасху. Бриллианты, меха, декольте. Послали за ним лимузин с водителем. И он явился. Пьяный в дупель. Потоптался тут, добавил немного водочки, закусил и ещё добавил. Мы чувствуем: этот хрен не в настроении, сейчас произойдет, что-то ужасное, дикое. Но наши все-таки до последнего надеялись, что обойдется без скандала. Ну, разобьет об пол стакан или бутылку, почитает стихи – и шабаш. А он встал посередине зала и заявляет. Знаешь, что он заявляет?

– Откуда мне знать, – пожал плечами Колчин. Истории о диких выходках известного поэта он уже слышал и даже читал служебные записки, составленные очевидцами тех памятных событий, но не хотелось портить рассказчику кураж.

– Он говорит: «Если бы кто знал, как мне обрыдли все наши российские дипломаты и журналисты. Так обрыдли… Так вы мне обрыдли, сволочи, что вот я сейчас возьму… Возьму и обоссу эти ваши красные ковры. Обоссу – и точка. И баста. И не мешайте мне справлять нужду». Натурально расстегивает ширинку, на глазах у всей публики достает свой шланг. Кстати, шланг у него очень скромных размеров. Вот такой или чуть побольше.

Никишин показал Колчину мизинец.

– Посол не знает, куда деть глаза, дышит ртом, то хватается за сердце, то галстук поправляет. Все наши сановные особы стоят столбами, смотрят и глазам своим не верят. Дамы отвернулись, мужчины кусают губы вместо того, чтобы рожу ему начистить.

– А поэт?

– Натурально ссыт на этот вот красный ковер. На котором ты сейчас стоишь. А потом разворачивается и уходит. Нормальный человек застрелился бы после такого позора. Или под поезд бросился. А этот даже не позвонил, не извинился. Все по барабану. Такой из себя великий, что ему все можно, даже на посольские ковры гадить.

– Да хрен с ним, – махнул рукой Колчин.

– Слушай, а ведь мы опаздываем, – Никишин посмотрел на часы. – К тебе в квартиру сегодня все корреспонденты ТАСС придут, поздравлять с приездом. И водка, наверное, уже остыла.

– Поехали домой, – кивнул Колчин, радуясь, что экскурсия наконец подошла к концу.

Глава шестая

Эстония, Пярну. 8 октября.

Если бы Медников приехал в этот курортный город развлекаться, искать приключений или любовных утех, то, скорее всего, бы на третий день умер от тоски и разочарования, или, бросив все, бросился обратно в Москву. Но он оказался здесь по важному делу.

Прибалтика встретила московского гостя неприветливо: уже третий день с моря дул промозглый ветер, а дождик принимался с раннего утра и заканчивался только к обеду. Два дня Медников скучал в своем одноместном номере, читал московские газеты и меланхолично разглядывал из окна последнего третьего этажа унылый пейзаж. Свинцовое море в белых барашках волн, серый песок, мокрые валуны.

Санаторий, построенный более четверти века назад, представлял собой несколько огромных приземистых корпусов, сложенных из железобетонных конструкций и соединенных переходами. Ни малейшего намека на уют, только запах казенного дома, тоска и бесприютность. Пустые бесконечные коридоры, такие широкие, что по ним можно ездить на машине, и крошечные номера, в которых гуляли сквозняки. Медников, не возлюбивший санаторий с первого взгляда, со злорадством думал, что эти бетонные коробки впору переоборудовать под коровник, и согнать сюда весь скот с окрестных хуторов. Если, конечно, не жалко животных.

В первый же день выяснилось, что тут словом не с кем перебросить, не то что в карты сыграть или в настольный теннис. Отдыхающих считать по пальцам. Несколько приезжих из России, пара десятков скандинавов, в основном люди преклонного возраста, которым врачи строго настрого запретили ездить на теплые южные моря и показываться на солнце, но почему-то забыли запретить ежедневное беспробудное пьянство. И ещё местный люд из Таллинна, такие же костлявые старики, но только трезвые, коротавшие время в холле у телевизора, шепотом, словно неприличные сплетни, обсуждавшие последние российские события. Своих значительных событий, ни плохих, ни хороших, в Эстонии не случалось, интересных телевизионных программ тут почему-то не делали, хорошо хоть соседнее государство, вечно давало пищу для разговоров.

Окончательно портила быт национальная эстонская кухня, по рецептам которой кормили отдыхающих: вареная рыба в какой-то водянистой безвкусной подливке, сдобренная тертым комковатым картофелем, мясо все в той же подливке и суп-пюре, вкусом и цветом напоминающий непроваренный мучной клейстер. Третье утро кряду Медников посвятил процедурам, что прописал санаторный врач, ближе к вечеру развлекал себя пешими прогулками вдоль побережья и по городскому центру с двухчасовой остановкой в одной из местных пивных.

Сегодня он не пошел на обед, закусил в номере копченой салакой, выпил бутылку пива и, глянув на часы, натянул серый плащ и кепку. Вышел из корпуса на улочку, застроенную аккуратными отштукатуренными домиками под черепичными крышами. До центра города, бывшей интуристовской гостиницы, где остановился человек, о встрече с которым условились ещё в Москве, минут тридцать пешком.

Собственно, вся поездка к морю, жуткая скука, водный массаж и национальная кухня, которую приходилось терпеть, были предприняты с единственной целью. Увидеться в безопасном, недоступном для российских спецслужб месте с англичанином, которого Медников знал как Ричарда Дэвиса, чтобы обсудить с ним некоторые вопросы. Англичанин был кадровым сотрудником английской разведки МИ-6 и работал по легенде бизнесмена, сотрудника реально существующей фирмы, якобы готовой открыть свои филиалы в странах Восточной Европы. Дэвис, выдавая себя за делового человека, пользовался надежной крышей фирмы, проводил тайниковые операции и очные встречи с агентами нелегалами, завербованными английской разведкой

Спустившись с крыльца и прикурив сигарету, Медников привычно бросил взгляд за спину, хотя понимал, что слежки за ним нет и быть не может. Отсюда, со стороны главного входа в санаторий, улица просматривалась из конца конец. Нет ни одного пешехода, потому что нормальные люди сейчас сидят дома или маются на работе. До места встречи, кафе, находящимся на полдороге между санаторием и гостиницей, можно дошлепать двумя путями. Выбрать дальнюю дорогу, поплутать по городским переулкам, ещё раз проверив, нет ли слежки, или пройти вдоль побережья. Медников свернул к морю, неторопливо зашагал по асфальтированной дорожке, проложенной по песчаному пляжу. Он наблюдал, как у береговой черты кружится стая чаек, выискивая в воде мелкую рыбешку.

Почти все кафе, собиравшие весьма скромную выручку даже летом, сейчас оказались закрыты. За железной оградой под дождем ржавели примитивные детские аттракционы, какие-то карусели с лошадками, механические качели. Небольшое колесо обозрения, кажется, готово от резких порывов ветра сорваться с креплений и покатиться прямиком в бурное море. Будка кассы, заколоченная досками, напоминала заброшенный дачный сортир. Навстречу не попалось ни души.

Когда он, преодолев два пролета крутой лестницы, забрался на высокую террасу кафе, через стекло заметил, что Дэвис уже на месте, сидит у окна, попивая из высокого стакана какое-то безалкогольное пойло. Англичанин на дух не переносил спиртное, зато выкуривал в день не меньше двух пачек сигарет. Распахнув дверь, Медников вошел в помещение. Кроме англичанина здесь, утроившись за дальним столиком, торчали три старика, то ли финны, то ли шведы. Пожилые господа неторопливо, со скандинавской основательностью нагружались коктейлями и водкой, разбавленной лимонным соком, твердо решив вернуться в санаторий на бровях. Так было вчера, так будет и сегодня. Какой к черту отдых, если ты не пьян.

Видимо, гардеробщика уволили из кафе за ненадобностью. Медников снял и повесил на деревянную вешалку плащ и кепку, остановившись возле зеркала, пригладил волосы ладонью. Играла тихая музыка, за стойкой топтался, подкручивая седые усы, пожилой бармен в бордовой жилетке и светлой сорочке.

Медников помахал рукой Дэвису, мужчине лет тридцати пяти, одетому в серую спортивную куртку и темные брюки. Бледное вытянутое лицо, тяжелый подбородок. Если бы не вьющиеся черные волосы и тщательно подстриженные усики, он мог бы сойти за эстонца. Неторопливо дошагав до стойки, Медников заглянул в карту вин и спросил сто пятьдесят молдавского коньяка пятилетней выдержки.

– Музыка у вас хорошая, – сказал он бармену по-русски. – Мне нравится джаз. Погромче сделать нельзя?

– Разумеется. Пожалуйста. Но понравится ли громкая музыка вон тем господам? – бармен кивнул на стариков скандинавов.

– Этим что ли? – поморщился Медников. – Понравится.

Он положил на блюдечко плату за коньяк и добавил ещё пару мятых купюр. Здесь не Москва, бармены народ неизбалованный. И вообще в этой дыре, в стеклянном кафе на побережье, легче сгнить заживо, чем получить приличные чаевые. Бармен сгреб деньги, шагнул к стереосистеме и крутанул чуть не до упора ручку громкости. Медников подсел к столику Дэвиса, но руки англичанину не протянул, только кивнул головой.

– Как устроились в вашем санатории? – Дэвис бегло говорил по-русски, акцент почти незаметен.

– Прекрасно, – Медников вспомнил сырой тесный номер, унылый пейзаж за окном и стариков прибалтов у телевизора в холле, провожающих его холодными насмешливыми взглядами. – Лучше ещё не случалось. В прошлую нашу встречу вы оставили мне около сотни вопросов. Ваш вопросник с моими ответами найдете на городской автобусной станции. Нужно перейти через мост и дальше прямо.

Музыка лилась из высоких колонок стереосистемы, расставленных в темных углах. Медников назвал номер ячейки автобусной станции и её код. Он говорил тихо. Разобрать слова можно было, наблюдая за движением губ.

– Хорошо, – Дэвис потянул из стакана через трубочку фруктовый напиток. – Мое руководство обеспокоено самоубийством дипломата Никольского.

– Пока беспокоиться рано. Я сожалею только о том, что потерян ценный источник информации. Отец Никольского, как вы знаете, большая величина в Генеральном штабе. Он приносил домой очень важные документы с грифом «совершенно секретно». Старик после смерти жены стал рассеян и забывчив. Ну, а сын по моему указанию пользовался этими слабостями. Фотографировал документы, передавал пленки моему доверенному лицу, которого вы знаете как Дьякова. Ну, и так дальше, по цепочке. Никольский получал денежное вознаграждение от МИ-6. Между нами говоря, вы могли бы увеличить его гонорары. Ведь он снабжал вас совершенно уникальными сведениями. Впрочем, теперь денежные счеты не имеют смысла.

– Совершенно верно, – поспешил согласиться Дэвис, разговор о денежных делах всегда был неприятен. – Вам впору подумать о себе. Мы полагаем, что теперь наши отношения осложнятся. Вы – один из приятелей Никольского, работали с ним в Лондоне, вместе проводили время. Так сказать, дружили семьями. Значит, вы попадаете в круг лиц, которыми заинтересуется русская контрразведка. Может, нам нужно приостановить наши контакты? На время?

– Прекратить контакты – не выход. Дела Никольского как такового существует. До поры до времени не существует. В предсмертной записке он объяснил причину добровольного ухода из жизни. Неизлечимая болезнь и скорый конец, плюс тяжелые мучения, которые придется испытать. Хотел их избежать, ну, и все такое прочее. В контрразведке пришли к выводу, что Никольский сдвинутый ипохондрик.

– А каковы реальные мотивы самоубийства?

– Этот парень был трусом и психопатом, – ответил Медников. – Его психопатия – и есть главная причина. Он мучился страхом разоблачения, который не отпускал его ни днем, ни ночью. Праздники для него превратились в будни, а будни в кошмар. Окончательно доконало Никольского предложение перейти на штатную службу в Службу внешней разведки. Отказаться он не мог, но и согласиться боялся. У меня с Никольским состоялся тяжелый разговор за неделю до его гибели. Успокоил его, чем мог, приободрил, но… Теперь, я думаю, что смерть Никольского – это к лучшему. Если бы он не пустил себе пулю в башку, то наверняка допустил какой-то срыв. Напился, сболтнул лишнего… Сами знаете, как это бывает.

– Значит, реальная опасность вам пока не угрожает?

– Трудно сказать. ФСБ будет копать и дальше. Не исключаю, что контрразведчики могут выйти и на меня. Это произойдет не сегодня и не завтра, но исключать такую возможность нельзя. Поэтому нужно продумать пути моего отступления. Нужны документы. Два английских паспорта для меня и моего помощника Дьякова. Имена подберите любые. По нашим легендам мы подданные Великобритании, но живем в других странах, скажем, в Канаде или Австралии. Так проще будет объяснить акцент. Сделаете?

– Думаю, с документами проблем не возникнет. Когда они вам потребуются?

– Скажем, пятнадцатого октября, перед самым концом моего отпуска. Я выйду на работу и, если что-то узнаю, что меня отстранили, забрали допуск… Короче, настанет время подумать о спасении шкуры. Успеете к пятнадцатому?

– Возможно, успеем. Если вам позвонят на мобильный, спросят, как идет торговля. Это знак к тому, что бумаги уже в тайнике.

– Хорошо. И ещё нужны деньги. Не слишком большая сумма – двадцать тысяч долларов.

Дэвис хмыкнул, словно выражая несогласие с мнение собеседника. Двадцать штук в его понимании – деньги чертовски большие. Он залез в сигаретную пачку и щелкнул зажигалкой. Медников замолчал, поднял бокал с коньяком, согретым в ладони, сделал глоток. Отсюда, из-

за столика, был виден горизонт, где серое небо сливалось таким же серым морем. Чайки летали над грязной полосой прибоя, накрапывал дождь. Дэвис дымил сигаретой, стряхивая пепел в большую ракушку с острыми неровными краями.

– Я не хочу давать вам советы, для этого вы слишком опытный специалист, – сказал англичанин. – Но осторожность не последнее дело в нашем ремесле.

– Вы это о чем?

– Трудно потратить деньги незаметно.

– В России не трудно. Но я не собираюсь их тратить. Я ведь уже сказал, что наличные для меня – это запасной вариант отступления, ведь все мои сбережения помещены в банк «Мидлэнд». Ваш, между прочим, банк, английский. И воспользоваться бабками, пока я работаю в России, невозможно. На экстренный случай нужна наличка. Если я замечу, что попал на прицел контрразведчикам, куда легче скрыться, имея на кармане деньги и заграничные паспорта.

– На экстренный случай предусмотрен план вашей эвакуации из России. Мы вывезем вас, чего бы нам это не стоило. Кстати, вы знаете все его детали. Вам известен московский телефон, по которому в случае опасности вы позвоните. Информация будет передана в наше посольство, план вступит в действие. Вас вывезут за границу.

– И все-таки мне нужны наличные и документы.

– Я передам вашу просьбу наверх. Думаю, вопрос будет решен положительно. Наберитесь терпения, подождите три-четыре дня, максимум неделю. Когда вы вернетесь Москву, вам позвонят.

– Спасибо.

– Теперь о главном. Как идет разработка этого ученого Ермоленко? Наверху просят ускорить операцию. Начальство всегда торопится. Я понимаю, что дело крайне сложное и опасное…

Речь шла об одном из русских ученых, который заведовал научной лабораторией, в которой ещё в советские годы был синтезирован препарат СТ – 575, химическое оружие, о котором англичане не могли и мечтать. Несколько лет назад работы по созданию химических вооружений были приостановлены. Но готовый препарат и по сей день хранился в лаборатории.

– С Ермоленко я виделся на днях. Его условия не изменились. Сто пятьдесят тысяч долларов на руки и украинский паспорт, по которому он выедет в Турцию. Все это вы передаете ему через меня. Контакт вашей разведки с самим Сергеем Алексеевичем исключен. Когда он получает деньги, я получаю препарат. Торговаться Ермоленко не намерен. Окончательный расчет с ним вы произведете уже в Турции, это уже не моя забота. Сегодня нужны сто пятьдесят тысяч и украинский паспорт. Если вы говорите «да», я начинаю действовать.

– Зачем ему наличные? Это очень опасно. И очень глупо. Мы положим деньги на банковский счет. Убедите его, что нам можно доверять. А счет в банке – это те же самые деньги.

– Я уже беседовал с ним на эту тему. Он настаивает на своем. Сто пятьдесят тысяч налом. Для начала.

– Хорошо. Деньги для Ермоленко будут у вас через несколько дней. Когда мы получим препарат?

– Скажем в двадцатых числах октября. Двадцать второго, двадцать третьего… Раньше не получится.

– Это нас устраивает.

Медников сидел за столом, положив щеку на раскрытую ладонь и гадал: зачем все-таки англичанам нужно похитить, вывести из России секретное химическое оружие, уникальное по своим свойством, запрещенное всеми международными конвенциями. Кажется, начинать новую мировую войну они не собираются. Но зачем тогда им эта дрянь? Наверное, хотят перепродать дружественной спецслужбе, ЦРУ, те не жалеют денег на подобные вещи. Продать и хорошо заработать. Не те жалкие сто пятьдесят штук, которые они бросают Ермоленко, как

подаяние нищему. Сегодня разведка, как ни парадоксально это звучит, – это рентабельный, сверхдоходный бизнес. Разумеется, если он правильно построен и организован, если им управляют толковые менеджеры.

– У меня есть для вас посылка, – Дэвис прикурил очередную сигарету. – То самое, что вы просили. Яд быстрого действия.

– Что за вещество? Органическое?

– Жидкое химическое соединение. Разлагается в течение нескольких часов, не оставляя следов. Всасывается в кровь в течении трех-четырех часов. Если подмешать в кипяток, своих свойств не потеряет. При вскрытии эксперты придут к выводу, что у жертвы случился инфаркт.

– Спасибо.

– А, совсем забыл: вам передали помимо яда ещё одну штуку. Зажигалку «зиппо», сделанную по принципу сканера. Вы снимаете нижний колпачок, водите зажигалкой по машинописным строчкам или фотографиям, устройство считывает и запоминает информацию. Память зажигалки очень емкая: эта штучка может запомнить собрание сочинений графа Толстого. Подробная инструкция и описание прилагается.

– Худшей услуги вы не можете мне оказать? – спросил Медников.

– Но эта вещь поможет вам в работе.

– Эта вещь поможет мне заживо сгнить в тюрьме особого режима. Вы хоть отдаленно представляете себе, что это такое, тюрьма с особыми условиями содержания?

– Мы хотели…

– Ваши лучше агенты засыпались из-за собственной глупости. Хранили дома, на даче или в гаражах шпионское оборудование. Всякие там камеры, вмонтированные в шариковые ручки, микрофильмы, симпатические чернила, бумагу, растворимую в воде, и прочую ерунду. Вещи в нашей работе, по большому счету бесполезные. Ваши агенты хватали эти игрушки просто от жадности. Когда русская контрразведка проводила негласные обыски и обнаруживала в тайниках эти вещи, подозреваемые превращались в обвиняемых. А шпионские причиндалы становились неопровержимыми прямыми уликами, которые затем фигурировали на закрытых судах. Вам ли не знать, что конец этих агентов был страшен. Поэтому в своей работе я пользуюсь только теми вещами, которые можно купить в московских магазинах. Скажем, серийными фотоаппаратами.

– Возможно, вы правы, – согласился Дэвис. – Сегодня же заберу из ячейки пакет с вашими ответами и положу туда посылку. Шифр пусть останется тот же. Как чувствует себя ваша жена? До нас дошли слухи, что в последнее время ей нездоровится.

– Нормально чувствует, – Медников помрачнел. – На время своего отпуска я нанял ей сиделку. Любу посещает врач.

– Тогда всего хорошего. До встречи в Москве.

Дэвис поднялся из-за стола, оставив дымящийся окурок в пепельнице. Медников, подождал пять минут, допил коньяк. Натянув плащ и кепку, вышел из кафе и захлебнулся от резкого порыва ветра. Пахло водорослями и йодом, моросил дождь.

В это день Медников не гулял по городу и не заходил в пивную. Весь долгий вечер он, закутавшись в шерстяной плед, торчал в номере, пальцем мусолил страницы английского детектива в мягкой обложке, напечатанного на языке оригинала, и старался сосредоточиться на чтении. Чисто английское занудство: в большом фамильном замке кто-то убивает старуху хозяйку и пару её слуг. Затем начинаются вялые поиски злодея или, точнее, подобие этих поисков. В конце романа родственники убиенной старухи, гости замка и слуги собираются за одним столом, чтобы выяснить, кто же и по какой причине пустил кровь хозяйке. Все дело, разумеется, в наследстве. Книжка имела единственное достоинство – она была не слишком длинной.

В семь вечера по громкой связи передали приглашение спуститься на ужин в столовую. Русским языком администрация санатория не пользовалась. То ли из принципа, то ли из чув-

ства патриотизма. Объяснялись с гостями по-эстонски, по-английски и по-шведски. Медников, выслушав объявление, решил оставаться на месте и продолжить чтение только потому, что привык доводить начатое до конца. Да и тащиться в столовую по бесконечным коридорам, глотать безвкусную рыбы с картошкой, – значит снова испортить самому себе настроение. Хотелось съесть котлету, тяжелую и горячую, как раскаленная подкова. Но котлет здесь не готовили. Возможно, на рецепт их приготовления в Пярну наложили гриф «совершенно секретно».

Пробежав глазами последнюю страничку, он сбросил с себя плед, вылез из теплого кокона. Что ж, если чтением не удалось растворить неприятный осадок, оставшийся в душе после разговора с Дэвисом, поможет пиво. Медников достал из холодильника пару «Рижского», копченую рыбу и стал смотреть, как за окном быстро сгущаются сумерки, море наливается чернотой, а небо опускается все ниже и ниже.

Задрал ноги на подоконник, он тянул пиво из горлышка и раздумывал о разговоре с Дэвисом.

Его спонсоры заинтересованы в том, чтобы Медников оставался скрытым агентом, то есть, как и прежде, работал в СВР и гнал в Англию ценную оперативную информацию. Они желают доить и доить Медникова, вытягивая из него все новые сведения, хотя прекрасно представляют, как рискует их агент. Англичане плевать на него хотели, им нужна информация из первых рук, секретные сведения от кадрового офицера разведчика. Он нужен МИ-6 пока он здесь, в России. Там, у них, Медников не будет представлять никакой ценности, станет обузой.

Какое-то время с ним будут нянькаться, проявлять заботу, подсластят пилюлю… Найдут приличное жилье, положат пенсию. Проведут собеседования, чтобы вырвать те последние крупицы информации, которыми он ещё владеет. Ну, пригласят прочитать лекцию сосункам из разведывательной школы, ну, дадут выступить на телевидении или в каком-нибудь печатном журнале, когда понадобится заказная статья о кознях российских спецслужб. Но пройдет несколько месяцев… И что? Медникова задвинут в дальний угол жизни, чтобы забыть о нем навсегда, потому что как разведчик он кончился.

И пусть. Сейчас он хочет только спокойной устроенной жизни. Его счет в банке – это круглая сумма, которой хватит, чтобы дожить жизнь в сытости, даже комфорте. Он отработал эти деньги.

Если он провалится, МИ-6 открестится от Медникова, пальцем не пошевелят, чтобы вытащить его из-за решетки. И обижаться тут не на кого, потому что такова практика разведок всего мира: до последнего не признавать своих провалов, публично отказываться от тайных агентов. Но Медников знает, чем рискует, за что работает, он сам пошел на сотрудничество с МИ-6.

Англичане придумали план его эвакуации. В случае провала или реальной угрозы нужно звонить по телефону, с помощью кодовых слов назначить встречу. Он приходит в одно тихое место, где будет ждать машина, которая доставит Медникова на территорию английского посольства. Там его снабдят новыми документами и деньгами или вывезут из страны, используя собственные каналы и связи. Серьезной критики это построение не выдерживает. Вопрос первый: сумеет ли он, случись что, прибыть в то место, где будет дежурить посольская тачка? Трудно сказать, ведь в ФСБ работают не лохи с Казанского вокзала. Значит, надо иметь свой план, четкий и реальный.

И теперь, когда после смерти Никольского, могут возникнуть проблемы, пришло время подумать о себе. Медникова не держит в России ничто. Родители умерли, детей не завел. Осталась жена, об алкоголизме которой знают даже англичане. Ведь не случайно Дэвис справился о её здоровье. Еще младшая сестра, с ней Медников встречается пару раз в год. Дача, квартира? Ерунда. Все это он будет иметь, когда устроится в Англии или другой стране. Например, в Штатах.

Медников прикончил пиво и открыл вторую бутылку.

Англичан очень интересует, что же на самом деле случилось с таинственно исчезнувшим Ходаковым. На этот раз в ответах на вопросы, что Медников получил от МИ-6, он погрешил против истины. Не сообщил об операции «Обелиск», в которой задействованы Колчин и Донцов. Не раскрыл Фелла, пропавшего вместе с Ходаковым, как тайного агента русских. Другими словами, скормил МИ-6 дезинформацию. Тут есть свои резоны, есть веские причины быть неискренним. Это его игра, которую надо довести до логического завершения. Медников не успел сформулировать последнюю мысль.

Телефонный звонок заставил поставить бутылку на подоконник.

Подскочив с кресла, он шагнул к тумбочке, сорвал трубку. Голос медицинской сестры Ольги Васильевы, которую Медников приставил к жене, звучал тонко, с истерической нотой.

– Леонид Васильевич, ваша супруга…

– Что супруга? – крикнул он в трубку.

– Все шло хорошо. Последние дни она ничего не пила. Ни грамма спиртного. Кажется, чувствовала себя неплохо. Но вчера вечером где-то нашла спрятанные бутылки.

– Ну, и?

– Она сильно напилась. А сегодня с утра все продолжилось. Я позвонила вашему врачу, наркологу. Он сразу приехать не смог, а у вашей жены в это время случился сердечный приступ. Я вызвала «скорую», Любу забрали в больницу.

– Черт бы вас… Черт бы вас всех побрал.

Медников потер лоб ладонью, стало жарко.

– Вы меня слушаете?

– Внимательно слушаю.

– Мне кажется, вам лучше вернуться в Москву. Она была такая бледная, едва живая… Вы бы только видели…

– Хорошо. Я завтра же постараюсь достать билеты.

Он бросил трубку, отключил телефон, ощутив внезапный приступ головной боли.

– Сволочь, – прошептал он. – Какая же она сволочь…

Лондон, Ист-Энд. 8 октября.

Серая туча проплыла по границе еврейского квартала, волоча за собой серый шлейф дождя. Фонари отпечатали пятна синеватого света на асфальте. Вечерние сумерки сгустились над плоскими крышами муниципальных домов, где теперь селились не евреи, а лондонская беднота, эмигранты из разных стран мира, негры, индусы и пуэрториканцы.

Донцов оставил свой «Ягуар» неподалеку от станции метро «Ливерпуль Стрит», прошагав пешком полтора квартала, остановился через улицу от недорогого латиноамериканского ресторана, из открытых дверей которого лилась музыка в ритмах сальса. Постелив на лавочку газету, он сел рядом со смуглолицым пожилым мужчиной.

– Привет. Удалось что-нибудь узнать? – Донцов раскрыл пачку сигарет, протянул её старику.

– Удалось, – старик прикурил и закашлялся так, что на глазах выступили слезы. – Господин, которым ты интересуешься, провел у нас некоторое время. Это было в первых числах июня.

Человек говорил с усилием, медленно, делал долгие паузы, выдавливая из себя слова, точно занозы. Донцову пришлось набраться терпения. Он не спешил с наводящими и уточняющими вопросами, просто слушал. Старика звали Дональдом Ривесом. Он был выходцем из Южной Америки, отцом многодетного семейства, ещё лет сорок назад пустившего корни на берегах Альбиона, и зарабатывал на жизнь тем, что по утрам убирал номера в гостинице «Маленькая роза». Выгребал пустые бутылки, использованные шприцы, презервативы, менял

белье на продавленных кроватях и затирал мокрой тряпкой пятна крови и спермы, оставшиеся с ночи на матрасах с клеенчатым верхом.

– Сам я этого господина не видел, – продолжал Ривес. – Это я сказал тебе ещё в тот первый день, когда мы познакомились. Потому что работаю только с утра и до обеда. У меня больные ноги, я не могу долго стоять на одном месте или топтаться по коридорам. Поэтому в два часа дня уходу из гостиницы. Что там происходит ночью, не знаю. И никого из клиентов не вижу. Пусть они все друг друга перережут и перетрахают, меня это не касается.

Ривес сделал долгую паузу, полез за пазуху поношенной куртки защитного цвета, вытащил фотографию Ходакова и вернул её собеседнику.

– Я нашел одного человека по имени Дональд Осборн, – старик попросил ещё сигарету. – В июне он устроился на временную работу в «Маленькой розе». В ночную смену мыл посуду в ресторане и пабе, помогал на кухне.

– Что теперь делает этот Осборн?

– То, что делал всю жизнь, – правое веко старика подергивалось. – Сидит дома у телевизора и пьянствует с утра до вечера. Но ему можно верить. Потому что Осборн не носит очков и не жалуется на плохую память. Я угостил его виски и показал эту фотографию. Он сразу узнал твоего знакомого. С первого взгляда.

– А мне нельзя встретиться с Осборном? Я поставлю столько, что ему хватит надолго.

– Нет, – старик сурово покачал головой и затянулся табачным дымом. – Он не хочет вмешиваться в чужие дела. Он живет тихо, никого не трогает, но и себя не позволяет тронуть. Временами, когда становится совсем туго, устраивается на временную работу. Уборщиком или мойщиком посуды. Потому что на постоянной работе его все равно не станут держать.

Донцов слушал старика и разглядывал темную улицу. Кажется, с незапамятных времен, когда в этом квартале бродил Джек Потрошитель, высматривая своих будущих жертв среди местных проституток, здесь ничего не изменилось. Низкие мрачные дома, узкие подворотни, закоулки, заставленные и всякой рухлядью и помойными баками, которые не вывозят неделями. Нормальному человеку здесь нечего шляться поздними вечерами или ночью, а если уж забрел сюда и нарвался на гоп-стоп в исполнении малолетних бандитов, обижаться следует только на собственную глупость.

– Осборн уволился из «Маленькой розы» полтора месяца назад. Точнее, его уволили. Так вот, он сказал, что твоего знакомого и ещё одного господина приволокли сверху, из гостиничного номера, в подвал. Их лица были разбиты, кровь на одежде и даже на ботинках. Двух человек держали в подвале дней десять или две недели. А потом увезли, ночью на машине. Видно, спрятали ваших друзей в другом подвале. Или на кладбище в общей могиле.

– Этих господ удерживали силой?

– Конечно, силой. Не по своей же воле люди с разбитыми мордами будут сидеть в сыром подвале, где холодно даже в самые жаркие дни лета. Их держали в той комнате, где в прежние времена разделывали мясо. Там бетонные стены, железная дверь и очень сыро. Теперь комната пустует. Они спали на грязных тюфяках, без подушек. Дважды в день их кормили ресторанными объедками.

– Кто это сделал? Кто засунул моих друзей в подвал?

– Люди хозяина гостиницы Дэвида Гойзмана. Этих парней было двое.

– Что за люди?

– Осборн не знает их имен. Кажется, один работает в баре, разливает выпивку. Один сидит в конторе и бьет баклуши.

– Откуда эта информации у Осборна?

– Первый раз он увидел твоих друзей в подвальном коридоре. Спустился вниз, чтобы принести что-то из кладовой. И столкнулся с ними нос к носу. И ещё он несколько раз приносил пленникам еду. Это все, что я знаю.

Старик придвинулся к Донцову, заглянул ему в глаза, твердой рукой схватил за локоть. Кажется, пальцы Ривеса были вырезаны из прочной древесины, что растет на его родине, в лесах Южной Америки.

– Ты не обманешь меня? Ты обещал, что никто, кроме тебя не узнает…

– Разумеется. Никто ни о чем не узнает. Только ты и я.

Донцов дружелюбно похлопал старика по плечу. Раскрыв бумажник, вытащил несколько крупных купюр. Отсчитав деньги, сунул их в теплую ладонь Ривеса.

Глава седьмая

Лондон, Ист-Сайд. 11 октября.

В этот вечер решалась судьба операции «Обелиск». Вчера Донцов через связника получил шифровку из Москвы. Центр предлагал свернуть все подготовительные мероприятия и начать действовать немедленно. Для спешки имелись основания.

Из Москвы сообщали, что два дня назад ранним утром труп неизвестного мужчины обнаружили в одном из трущобных районов на пустыре между баскетбольной площадкой и стройкой. Как выяснилось, убитым оказался Ричард Фелл, на встречу с которым отправился пропавший без вести Ходаков. Более подробной информации Донцову не предоставили. Шифровка заканчивалась словами, что теперь, когда Фелл убит, судьба Ходакова висит на волоске. Возможно, его уже нет в живых. Однако следует надеяться на лучшее и предпринять решительную попытку, сделать все возможное и невозможное, чтобы вытащить Ходакова.

Сенсационная новость о гибели высокопоставленного сотрудника британского Министерства иностранных дел, странным образом не попала в позавчерашние лондонские газеты. Известие о смерти Фелла дошло до читателей только вчерашним утром. Однако пресса обошла вниманием то важное обстоятельство, что Фелл уже несколько месяцев как бесследно пропал, с июля он не появляется ни в Форрин-оффисе, ни у себя дома. Донцов узнал некоторые подробности убийства, скупив все бульварные газеты, что смог найти в своем квартале, а заодно уж газеты серьезные, «Таймс» и «Дейли телеграф». Изучив публикации, он восстановил более или менее реалистичную картину случившегося.

Личность Фелла удалось быстро выяснить по водительским правам, завалившимся за подкладку пиджака. В бумажнике не нашлось даже мелких денег, это обстоятельство породило версию корыстного убийства, на которой теперь настаивает полиция.

По словам сотрудника Скотланд-Ярда, которые приводились в «Таймсе», в рот Фелла засунули пару поношенных мужской носков из синтетической ткани. Нижнюю часть лица обмотали клейкой лентой. А самого Фелла хорошенько отделали перед смертью, сломали ему правое пятое ребро, верхнюю челюсть, голень левой ноги и выставили пару верхних зубов. Возможно, выбивали информацию. Возможно, били просто так, ради забавы, молодецкой потехи. Затем положили животом на землю, связали руки за спиной. На шею накинули скользящую петлю, согнули ноги в коленях, другой конец веревки привязали к щиколоткам. И оставили человека умирать. Видимо, убийство происходило в темное время суток, когда местные жители опасаются ходить через пустырь. Как только жертва, теряя силы, начинала разгибать ноги, петля стягивала шею.

Донцов знал, что Фелл не из слабаков. Он поддерживал хорошую спортивную форму, совершая ежедневные пробежки в парке, дважды в неделю посещал атлетический клуб, где тягал штангу и работал с гантелями. В свои сорок восемь лет оставался физически крепким человеком, однако и Феллу не под силу часами, лежа на боку или на спине, держать ноги согнутыми в коленях, надеясь на помощь случайного пешехода. Продержавшись, насколько хватило сил, он умер от асфиксии, задушив себя сам.

По официальной версии полиции, которая не имеет к действительности никакого отношения, господин, совершая пешую прогулку по Лондону, заблудился и по незнанию зашел в сомнительное, даже опасное место, где стал жертвой банды тех подонков, которых немало расплодилось в Лондоне за последнее десятилетие. Уличных убийц и грабителей, предположительно афроамериканцев или латинов, ищет полиция.

Вчерашним вечером Донцов и Колчин увиделись на съемной квартире многоэтажного дома в районе Бермондсей. Это жилье Донцов по заданию Москвы нанял ещё полгода назад, но пока применения квартире не находилось, и она пустовала. Встреча продолжалась до поздней

ночи. Колчин получил шифровку из Москвы, из которой следовало, что оба письма, отправленные Ходаковым в русское посольство, отпечатаны на той же пишущей машинке и на той же бумаге, на которой составлен черновик меню ресторана «Маленькая роза». Так как «ремингтон» стоит в кабинете владельца заведения Гойзмана, его участие в деле не вызывает сомнений.

В шифровке также содержалась развернутая информация о Дэвиде Гойзмане, еврее, пятидесяти одного года, трижды женатом, имеющим двух детей от разных браков, судимом в России за мошенничество. Из положенных пяти лет лагерного срока отбыл три, освободили по амнистии. Восемь лет назад этот человек проживал в Москве, являлся гражданином России и носил фамилию приемной матери – Пшеничный. После эмиграции в Израиль его следы потерялись, достоверных сведения о том, чем занимался Гойзман в последние годы, у Москвы нет. Известно лишь, что бизнес в Израиле у него не пошел. Гойзман много путешествовал по Европе, пытаясь начать свое дело, после долгих хлопот получил вид на жительство в Англии, где вскоре женился в третий раз. Его супруга – двадцати восьмилетняя эмигрантка из России по имени Катерина Бланш.

На тщательную подготовку операции времени не хватало. Похищение Гойзмана среди бела дня, вечером или поздней ночью, когда он возвращается домой, трудно провести, не наделав шума, не привлекая внимание полиции. Хозяина неотступно сопровождает один или двое вооруженных телохранителей. Дожидаться случая, когда Гойзман появится на улице в одиночестве, можно неделями, а то и месяцами. Удобнее всего заявиться к нему в контору и поговорить по-хорошему. Если хозяин «Маленькой розы» станет упираться, врать, ссылаясь на хроническую забывчивость, найдутся средства, которые освежат слабую память.

Перед тем, как разойтись, Колчин сказал: «Ясно, что с этим типом можно особо не церемониться. Никакого отношения к спецслужбам, ни английским, ни израильским, он не имеет. Открыл здесь свой бизнес лишь потому, что к гомосексуалистам в Англии все очень терпимы. А значит, на чужих пороках можно сделать бабки».

В ресторан и гостиницу «Маленькая роза», расположившуюся в угловом доме на пересечении двух улиц, устроили отдельный вход. Пивной бар на первом этаже имел свое крыльцо. Колчин, перехватил кружку пива в пабе, который, как и все лондонские пивные, закрывался в одиннадцать вечера, вышел на улицу. Прошагав десяток метров, остановился, распахнул дверь и поднялся на второй этаж по облупившейся от краски деревянной лестнице. В тесном ресторанном зале он появился, как и было уловлено, ровно в десять тридцать вечера. Народу собралось немного. Посетители, все мужчины, одетые в кожаные куртки и штаны, одежду, популярную и модную в среде гомосексуалистов, заняли места за столиками у круглой эстрады.

Колчин выбрал пустой столик у окна, откуда просматривался парадный вход в заведение и противоположная сторона улицы. Заказал двойное виски с содовой и льдом. Через пару минут официант принес стакан, положил на стол карточку меню. Сразу видно, что в этом кабаке кошелек сильно не похудеет, однако ассортимент закусок и горячих блюд достоин вокзального буфета. Жареный цыпленок с овощами, итальянские макароны и эскалоп по-нормандски – вот и весь выбор.

Со всего места Колчин видел, как серый «Ягуар» остановился на противоположной стороне улицы. Донцов выбрался из машины, помахивая коричневым дипломатом «самсонит», пересек улицу, завернул за угол. Через минуту он войдет в ресторан со служебного входа, поднимется в контору на втором этаже. По плану разговор с Гойзманом должен занять минут сорок. Колчин вставил в правое ухо микрофон размером с небольшую пилюлю и глянул на часы: без десяти минут одиннадцать. Время пошло. В том случае если возникнут непредвиденные трудности с Гойзманом или его телохранителем, придется придти на помощь и вытащить Донцова из этой клоаки живым и невредимым. Колчин, пользуясь микрофоном, сможет услышать разговор в кабинете хозяина. Миниатюрный передатчик вмонтирован в верхнюю панель «дипломата», который находится в руках Донцова.

Сквозь пелену табачного дыма, висевшую над залом, Колчин наблюдал, как на тесную эстраду к микрофону вышли два мужика. Певцы были одеты в короткие женские платья с блестками, чулки на подвязках. На жилистых шеях нитки бус, на головах нейлоновые парики. Большие овалы декольте глубоко открывали пухлые женские груди. Следом за солистами появился аккомпаниатор, мужчина-женщина, бритая наголо, одетая в черную ночную рубашку из искусственного шелка. Встав у синтезатора, аккомпаниатор переключила регистры, подбирая тональность, коснулась пальцами клавиш. Колчин подумал, что окажись здесь, на его месте, тот самый поэт, обмочивший ковры в русском посольстве, он, вдохновленный обстановкой, этой публикой и солистами на эстраде, пришел в полный восторг и наверняка придумал бы какую-нибудь сногсшибательную, совершенно гениальную рифму. Какую именно? Ясно, не «слезы – березы – грезы». Например, такую: «трансвестит – свистит». Вот это – да, свежо и современно. Коллеги по поэтическому цеху просто умерли бы с зависти.

Парочка у микрофона запела тонкими, не лишенными мелодичности голосами. Начиналось эстрадное представление, которое продлится до поздней ночи. Колчин знал, что музыку здесь врубают после полуночи. Однако сегодня начали раньше. Он закрыл ладонью правое ухо, в канал которого был вложен микрофон, но музыка заглушала все прочие звуки, вместо человеческой речи слышался комариный писк.

– Черт возьми…

Солисты пританцовывали, цокали каблучками туфель-лодочек и задирали платья, выставляя на обозрение публики полные бедра. Колчин решил, что артисты, чтобы сохранить соблазнительную округлость форм и тонкие голоса, горстями глотают гормональные препараты. И время от времени нанимают пластического хирурга, практикующего в этом районе. С этими певцами все ясно. Но один вопрос все-таки остается: каким туалетом они пользуются, когда нужно справить нужду? Женским или мужским?

Официант подрулил к столику гостя, но Колчин сказал, что ещё не решил, чем побалует себя на ужин, попросил двойное «Джи Би» со льдом и содовой. Официант уплыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.